

ТАМБОВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 Августа

№ 8.

1870 года.

I.

Распоряженія Правительственныя.

выписка

изъ журнала Святѣйшаго Синода отъ 24 апрѣля и 11 мая
1870 года.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода 17 и 23 мая 1870 года о преобразованіи всѣхъ Семинарій и одновременно съ ними духовныхъ училищъ, въ теченіе пяти лѣтъ, т. е. къ 1872 г., имѣло основаніемъ постепенное увеличеніе отпуска суммъ изъ Государственнаго Базначейства на духовно-учебную часть и полное ассигнованіе 1.500.000 руб. съ 1872 года. Приведеніе въ исполненіе сего постановленія могло бы быть произведено безпрепятственно, еслибы къ 1872 г. всѣ зданія Академій, Семинарій и Училищъ были окончательно приспособлены къ требованіямъ новыхъ уставовъ сихъ заведеній, но составленіе проектовъ, ихъ разсмотрѣніе въ Хозяйственномъ Управленіи и въ Министерствѣ Путей Сообщенія и нерѣдко передѣлка вновь, составленіе затѣмъ смѣтъ, производство торговъ и проч. требовало времени, такъ что устройство зданій не могло быть окончено въ столь непродолжительный срокъ, тѣмъ болѣе, что по нѣкоторымъ Епархіямъ проекты представлены были только въ послѣднее

время, а по инымъ еще только составляются. Такимъ образомъ недостатокъ въ помѣщеніяхъ составляетъ уже препятствіе къ переобразованію всѣхъ Семинарій въ будущемъ 1871 г. Но кромѣ того на строительныя надобности для семинарскихъ зданій разрѣшено и заявлено расхода до 1.945.603 р. 28 ³/₄ коп. и производится переписка о составленіи проэктвъ и смѣтъ по 8-ми Семинаріямъ. Очевидно столь значительная предстоящая затрата на эту часть не можетъ быть покрыта тѣми средствами, какія были приняты въ соображеніе при разчисленіи издержекъ на содержаніе всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній по новымъ уставамъ и штатамъ, т. е. 200 т. руб. въ годъ и слѣдовательно, если допустить преобразование всѣхъ Семинарій съ 1871 г., не смотря даже на недостатки въ помѣщеніяхъ, то для покрытія расходовъ на строительную часть предстояла-бы надобность въ затратахъ основнаго капитала, чего, конечно, допустить не возможно, такъ какъ проценты съ сего капитала имѣлись въ виду Святѣйшаго Сѣнода при исчисленіи расходовъ на общія издержки по содержанію учебныхъ заведеній. По симъ основаніямъ соображаясь съ предстоящими расходами, Святѣйшій Синодъ полагалъ ограничиться въ 1871 году преобразованиемъ по уставамъ и штатамъ 14 мая 1867 года Семинарій и духовныхъ училищъ въ нѣкоторыхъ только Епархіяхъ.

Всего не преобразованныхъ Семинарій съ духовными училищами состоитъ нынѣ 32; въ порядкѣ же постепенности, на очереди къ преобразованію состоятъ Московскій и Казанскій учебные округа, въ которыхъ остаются еще не преобразованныя духовно-учебныя заведенія въ 14 Епархіяхъ, а именно: Московскаго округа: въ Ярославской, двѣ семинаріи въ Московской; Казанскаго округа, въ Уфимской, Тамбовской, Казанской, Саратовской, Кавказской, Иркутской, Симбирской, Вятской, Камчатской, Томской, Тобольской и Пензенской; изъ духовно-учебныхъ заведеній

въ означенныхъ Епархіяхъ Святѣйшій Синодъ журналомъ отъ 24 апрѣля и 11 мая 1870 г. постановилъ: назначить къ преобразованію Семинаріи: Казанскую, Вятскую, Иркутскую и Кавказскую, въ которыхъ семинарскія зданія (по Кавказской наемныя), находятся въ удовлетворительномъ состояніи и въ нихъ безъ затрудненія можетъ быть помѣщено требуемое новыми уставами число классовъ и введены новые порядки, а равно и духовныя училища и затѣмъ, сообщивъ Епархіальнымъ Пресвященнымъ: Казанскому, Вятскому, Иркутскому и Кавказскому о предстоящемъ во ввѣренныхъ имъ Епархіяхъ преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній по новымъ уставамъ и штатамъ для зависящихъ по этому предмету распоряженій и постепеннаго со стороны ихъ обсуждения мѣръ къ точному выполненію новыхъ уставовъ, постановить ихъ въ извѣстность, что а) со введеніемъ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній со второй половины 1871 г. выдача пенсій и классныхъ окладовъ лицамъ, не состоящимъ на духовно-училищной службѣ въ Епархіи, должна быть производима съ того же времени на счетъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ; б) что къ числу этихъ средствъ принадлежатъ: избытокъ свѣчной прибыли противъ смѣтнаго размѣра оной на 1866 годъ, пожертвованія почетныхъ блюстителей, духовенства и монастырей, проценты съ пожертвованныхъ въ пользу духовно-учебныхъ заведеній капиталовъ, которые и будутъ предоставляемы въ мѣстное распоряженіе на нужды духовныхъ училищъ, на выдачу пенсій и классныхъ окладовъ, какъ объяснено выше, и т. п. мѣстныя потребности; в) что свѣчной доходъ по Епархіямъ по происходскимъ церквамъ въ смѣтной цифрѣ 1866 года, а свѣчной доходъ по кладбищенскимъ церквамъ и вѣчиковая сумма въ цифрѣ дѣйствительнаго ихъ поступленія, доходъ отъ оброчныхъ статей и отъ продажи книгъ, составляютъ принадлежность духовно-учебнаго капитала; но во избѣжаніе излишнихъ

расходовъ при пересылкѣ ихъ въ Хозяйственное Управленіе или въ другія Епархіи они будутъ оставляемы на расходы по содержанію мѣстныхъ Семинарій и личного состава духовныхъ училищъ полностью, или въ какой нибудь части, по назначенію центрального Управленія съ доставкою къ нимъ недостающей суммы на покрытіе смѣтныхъ расходовъ изъ 1.500.000 руб., подлежащихъ къ ассигнованію въ будущемъ году изъ Государственнаго Казначейства и г) что могуцій произойти недоборъ въ свѣчныхъ и вѣничковыхъ доходахъ, какъ составляющихъ одинъ изъ существеннѣйшихъ источниковъ содержанія духовно-учебныхъ заведеній, уже не можетъ быть принятъ на средства Центрального Духовнаго Управленія, но подлежитъ выполненію изъ прочихъ епархіальныхъ средствъ. Что же касается преобразованія остальныхъ духовно-учебныхъ заведеній въ 26 Епархіяхъ, то въ виду значительныхъ расходовъ изъ духовно-учебнаго капитала на продолжающіяся строительныя работы, произвести таковое въ теченіи трехъ лѣтъ, на тѣхъ основаніяхъ, какія указаны уже для сего Святѣйшимъ Синодомъ.

УКАЗЫ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СІНОДА:

Отъ 19 іюля 1870 года, № 37. *О воспрещеніи выдавать безъ разрѣшенія Святѣйшаго Синода свидѣтельства на право продажи священныхъ вещей, объявляемыхъ вывезенными изъ заграничныхъ монастырей и церквей.*

Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали дѣло по рапорту преосвященнаго Таврическаго о появившихся въ Таврической епархіи иностранцахъ, производящихъ незаконный сборъ подаеній на Іерусалимъ и монастыри, подъ видомъ продажи крестиковъ, иконъ и четокъ и проч., вывезенныхъ будто бы изъ Іерусалима. И по справкѣ, Приказали: Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Святѣйшій

Синодъ находитъ, что нѣкоторыя духовныя консисторіи выдали въ 1864, 1865 и 1866 годахъ тремъ иностраннымъ подданнымъ свидѣтельства на право продажи въ мѣстныхъ епархіяхъ иконъ, крестиковъ, четокъ и проч., объявленныхъ вывезенными изъ Іерусалима. Свидѣтельства сіи, по объявленіи епархіальныхъ начальствъ, выданы по примѣру такихъ же свидѣтельствъ отъ другихъ консисторій и на основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го Января 1863 года Положенія. Но такъ какъ это положеніе не могло служить основаніемъ къ выдачѣ консисторіями сказанныхъ свидѣтельствъ, то посему и въ виду циркулярныхъ указовъ Святѣйшаго Синода 2 Августа 1843 г. и 6 Іюля 1864 года, коими подтверждено епархіальнымъ начальствамъ не дозволять собственною властію производство сборовъ пожертвованій въ пользу заграничныхъ церквей и монастырей, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: дать знать по духовному вѣдомству циркулярными указами, чтобы епархіальныя начальства ни въ какомъ случаѣ не выдавали свидѣтельствъ на право продажи священныхъ вещей, объявляемыхъ вывезенными изъ заграничныхъ монастырей и церквей, безъ особаго, каждый разъ, разрѣшенія Святѣйшаго Синода, и въ случаѣ появленія въ епархіяхъ продавцевъ такихъ вещей сообщали бы о нихъ на распоряженіе гражданскаго начальства.

Отъ 19 іюля 1870 года, № 38. *О предоставленіи Святѣйшему Синоду права разрѣшать отчужденіе недвижимыхъ церковныхъ имуществъ, отходящихъ подъ линіи желѣзныхъ дорогъ и сооруженія оныхъ.*

Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Исправляющаго должность Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 6 Іюня сего года за № 2320,

съ предложеніемъ коніи съ выписки изъ журналовъ Комитета Министровъ 10 Мая и 2 Іюня 1870 г., о предоставленіи Святѣйшему Синоду права на будущее время разрѣшать отчужденіе недвижимыхъ церковныхъ имуществъ, отходящихъ подъ линіи желѣзныхъ дорогъ и сооруженіе оныхъ. Въ выпискѣ этой изъяснено: по выслушаніи представленія по сему предмету Синодальнаго Оберъ-Прокурора, Комитетъ Министровъ, принимая во вниманіе, что предварительно проведенія линій желѣзныхъ дорогъ, издается законодательнымъ порядкомъ Именной Высочайшій Его Императорскаго Величества указъ объ отчужденіи подъ устройство дороги частныхъ земель и другихъ имуществъ, согласно съ заключеніемъ Святѣйшаго Синода, находилъ, что за симъ не представляется уже надобности вторично испрашивать по каждому отдѣльному случаю Высочайшее Его Величества соизволеніе на отчужденіе подъ ту же дорогу земель, принадлежащихъ церковнымъ учрежденіямъ. Посему и имѣя въ виду, что въ ст. 593 Т. X Ч. I Св. Зак. указанъ порядокъ для назначенія церковнымъ учрежденіямъ вознагражденія за отходящія отъ нихъ на государственную или общественную пользу имущества, Комитетъ полагалъ: предоставить Святѣйшему Синоду, не испрашивая Высочайшаго соизволенія на уступку подъ линіи желѣзныхъ дорогъ имуществъ, принадлежащихъ церковнымъ учрежденіямъ, поступать относительно назначенія вознагражденія за таковыя имущества на точномъ основаніи установленныхъ въ ст. 575—591 и 593 Св. Зак. Т. X. Ч. I правилъ. Государь Императоръ, въ 29 день Мая 1870 года, положеніе Комитета Высочайше утвердить соизволилъ. За тѣмъ Комитетъ, въ засѣданіи 2-го Іюня, опредѣлилъ: сообщить о томъ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода къ исполненію выпискою изъ журнала. И по справкѣ, Приказали: Объ изъясненномъ Высочайше утвержденномъ положеніи Комитета Министровъ дати знать

циркулярно по духовному вѣдомству къ надлежащему руководству (*).

(*) Содержаніе правилъ, предписываемыхъ указанными статьями, слѣдующее: За всякое недвижимое имущество, потребное для государственной или общественной пользы, владѣльцу онаго, должно быть опредѣлено приличное вознагражденіе, а примѣчаніе къ ст. 575, по продолженію 1863 года, говоритъ слѣдующее: Въ 1860 г. повелѣно, впредь до пересмотра постановленій объ отчужденіи частныхъ имуществъ по распоряженію правительства, принять правиломъ, чтобы въ случаяхъ, гдѣ уступка сихъ имуществъ, нужныхъ подъ желѣзныя дороги, устраиваемыя частными обществами, не можетъ быть достигнута посредствомъ добровольныхъ соглашеній, подвергать, немедленно, таковыя имущества законной оцѣнкѣ, и, по опредѣленіи оною суммы вознагражденія, предоставлять обществамъ права занимать сія имущества, по взносу въ оцѣночную Коммисію, для передачи владѣльцамъ, присужденной ею въ вознагражденіе суммы, независимо отъ причитающейся по закону дополнительной къ оцѣнкѣ пятой части, которую опредѣлять при окончательномъ, въ установленномъ порядкѣ, утвержденіи оцѣнки.

Порядокъ дѣйствій, на основаніи закона, въ подобныхъ случаяхъ долженъ быть таковъ: мѣру вознагражденія предъявляетъ самъ владѣлецъ и вознагражденіе это можетъ состоять или въ замѣнѣ имущества на другое такое же, или въ деньгахъ. Если занимающій имущество съ владѣльцемъ онаго сойдутся въ условіяхъ о цѣнѣ, то разрѣшается приобрѣтать имущество съ совершеніемъ купчей крѣпости безъ пошлины и на простой бумагѣ, и вознагражденіе сейчасъ же выдается, въ противномъ случаѣ производится оцѣнка Коммисіею, состоящею изъ однаго уѣзднаго или земскаго (полиціи) члена, подъ предсѣдательствомъ пред-

Извлеченіе изъ утвержденнаго Святѣйшимъ Синодомъ журнала Учебнаго Комитета, отъ 18 февр. 1870 года, за № 28, о томъ, могутъ ли быть подвергаемы баллотировкѣ для продолженія службы въ академіяхъ преподаватели по окончаніи 35, 40 и т. д. лѣтъ училищной службы.

Ректоръ кievской духовной академіи вошелъ въ совѣтъ академіи съ предложеніемъ о замѣщеніи кафедры латинскаго языка новымъ преподавателемъ на мѣсто профессора Давида Подгурскаго, состоящаго на училищной службѣ съ 26 сентября 1829 года. Вслѣдствіе сего профессоръ Подгурскій представилъ въ совѣтъ академіи отзывъ, что, по его мнѣнію, 59 § устава академій не полагаетъ послѣднимъ предѣломъ службы 35 лѣтъ и что достойные преподаватели, и по оконча-

водителя дворянства или уѣзднаго судьи. Оцѣнка и опись отчуждаемыхъ имуществъ производится не иначе какъ при владѣльцѣ имущества, или его повѣренномъ и при депутатѣ, каковымъ со стороны духовенства можетъ быть депутатъ всякаго благочинія, который обязанъ наблюдать за правильностію дѣйствій оцѣнщиковъ, и, въ случаѣ отступленія ихъ отъ правилъ, дѣлать представленія какъ своему начальству, такъ и тому, въ вѣдѣніи коего производится оцѣнка, излагая въ то же время заключенія свои въ оцѣночныхъ актахъ. При оцѣнкѣ, если она покажется невыгодною, предоставляется владѣльцу, кромѣ словесныхъ объясненій, представлять, не позже 8-дневнаго срока, свои письменныя примѣчанія, которыя Коммисіею должны быть рассмотрѣны, и если окажутся уважительными, то производится переоцѣнка. Состоится ли переоцѣнка, или нѣтъ, въ томъ и другомъ случаѣ Коммисія съ своимъ дѣлопроизводствомъ представляетъ и письменныя примѣчанія или объясненія владѣльца въ то Министерство или главное Управленіе, отъ коего оцѣнка была предназначена; при этомъ, если она про-

ни сего срока, могут оставаться для дальнѣйшаго продолженія службы по пятилѣтіямъ, если будутъ избираемы совѣтомъ. Имѣя въ виду, что въ Уставѣ академій не сказано прямо о прекращеніи преподавательской службы, по окончаніи 35 лѣтъ, и что Уставъ російскихъ университетовъ § 78 допускаетъ ее и далѣе 35-лѣтняго срока, совѣтъ академіи просилъ Преосвященнаго Митрополита испросить разрѣшеніе у Святѣйшаго Синода: могутъ ли быть подвергаемы баллотировкѣ преподаватели, состоящіе на академической службѣ, по окончаніи 35, 40 и т. д. лѣтъ службы? Определено: принимая въ вниманіе, что § 59-мъ Высочайше утвержденнаго Устава духовныхъ академій крайнимъ срокомъ преподавательской службы при академіяхъ назначены 35 лѣтъ

изведена въ уѣздѣ или уѣздномъ городѣ, прилагается мнѣніе губернатора. Когда же отъ указанныхъ выше мѣстъ, или, если оцѣночная сумма выше 3-хъ т., съ Высочайшаго утвержденія, послѣдуетъ окончательное рѣшеніе, тогда владѣльцу имущества, кромѣ оцѣночной суммы, выдается еще 15 часть этой суммы въ вознагражденіе убытковъ. Но эта 15-я часть выдается только тогда, когда оцѣночная сумма ниже объявленной владѣльцемъ имущества и настолько ниже, что если приложить къ оцѣночной суммѣ 15 ч. этой суммы, составитъ сумма объявленная владѣльцемъ.

Статья 593 X т. ч. I предписываетъ, при занятіи церковныхъ земель, по сношеніи съ епархіальнымъ начальствомъ, назначать церквамъ приличное вознагражденіе, съ тѣмъ, чтобы отходяція земли замѣнены были, если окажется возможнымъ, другими пустопорожными изъ казенныхъ или городскихъ дачъ.

Так. образ. о всякомъ случаѣ не только формальной оцѣнки отходящаго отъ церквей имущества, но и добровольнаго по сему предмету соглашенія мѣстное духовенство немедленно должно доносить Консисторіи, для дальнѣйшаго распоряженія.

и что опредѣленіе Святѣйшаго Синода отъ 31 мая 1869 года, касательно отсрочки баллотировокъ должно быть понимаемо въ предѣлахъ, указанныхъ для сего въ Уставѣ, Учебный Комитетъ полагаетъ, что преподаватели духовныхъ академій, выслужившіе, подобно профессору Подгурскому, опредѣленный въ академическомъ уставѣ 35 лѣтній срокъ училищной службы, — подлежатъ увольненію отъ оной.

Отъ 15 января 1870 года, № 5. *О необходимости своевременнаго приспособленія учебной части въ преобразованныхъ семинаріяхъ къ новому уставу.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный господиномъ Синодальнымъ Оберт-Прокуроромъ, отъ 13 ноября 1869 года за № 315, журналъ учебнаго комитета съ соображеніями комитета о необходимости постановить правиломъ для всѣхъ преобразованныхъ семинарій, чтобы въ нихъ своевременно дѣлаемы были возможныя по учебной части приспособленія къ новому уставу. Приказали: объ изложенныхъ въ настоящемъ журналѣ соображеніяхъ учебнаго комитета дать знать епархіальнымъ архіереямъ указами, для зависящихъ распоряженій.

Копія съ журнала Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 12 ноября 1869 года № 183.

Изъ отчетовъ о ревизіи нѣкоторыхъ семинарій, предназначенныхъ къ преобразованію, усматривается, что въ нихъ не дѣлается надлежащихъ своевременныхъ распоряженій по приведенію въ дѣйствіе новаго Устава въ предѣлахъ, указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 27 мая 1867 г. опредѣленныхъ, вслѣдствіе чего самое преобразование семинарій, какъ неподготовленное никакими предварительными работами, затрудняется и замедляется въ ущербъ порядку, требуемому новымъ уставомъ. Въ виду сихъ затрудненій, учебный комитетъ полагаетъ бы полезнымъ и необходимымъ

постановить на будущее время общее правило, чтобы въ семинаріяхъ, предназначаемыхъ къ полному преобразованію въ извѣстномъ году, съ началомъ предшествующаго учебнаго года, были дѣлаемы возможныя по учебной части приспособленія къ новому уставу, какъ въ распредѣленіи учебныхъ предметовъ по кафедрамъ, такъ и въ томъ, чтобы въ низшихъ отдѣленіяхъ преподаваемы были предметы, положенные для перваго класса, а въ высшихъ предметы пятаго класса, съ тою цѣлію, чтобы къ началу полного преобразованія каждый существующій двухгодичный классъ могъ быть раздѣленъ на два одно-годичныхъ класса, согласно указу Святѣйшаго Синода отъ 27 мая 1867 года за № 23.

Отъ 15 января 1870 года, № 2. *О непремьннмъ соблюденіи правилъ, для составленія смѣтъ по содержанію духовно-учебныхъ заведеній . . . о проч.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ Прокурора, отъ 15 декабря 1869 года за № 14899, о томъ, что Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ, разсмотрѣвъ и исправивъ доставленныя академическими и семинарскими правленіями смѣты доходовъ и расходовъ по содержанію въ 1870 году духовно-учебныхъ заведеній, замѣтило отступленіе отъ установленныхъ и извѣстныхъ тѣмъ правленіямъ, изъ указа Святѣйшаго Синода отъ 5-го Февраля 1869 года за № 7, и циркулярныхъ отношеній Хозяйственнаго Управленія, отъ 11 марта и 31 декабря 1865 года, правилъ составленія смѣтъ. Такъ, нѣкоторыми правленіями духовныхъ училищъ смѣты по содержанію каждаго изъ училищъ доставлены отдѣльно и непосредственно въ Хозяйственное Управленіе, тогда какъ, по установленному порядку, училищныя правленія обязаны были

доставить тѣ смѣты въ правленіе мѣстной семинаріи, которое и обязано было составить и доставить въ сіе Управленіе одну общую смѣту по содержанію въ епархіи духовно-учебныхъ заведеній. Одно правленіе духовнаго училища вовсе не доставило смѣты, а другое правленіе доставило смѣту въ одномъ экземплярѣ, тогда такъ слѣдовало доставить въ двухъ экземплярахъ. Доставленные правленіями духовныхъ академій и семинарій въ Хозяйственное Управленіе вѣдомости о наличныхъ остаточныхъ суммахъ по содержанію духовно-учебныхъ заведеній въ 1868 году, въ большей части, не только не соотвѣтствуютъ установленной формѣ, сообщенной имъ для руководства, при циркулярномъ отношеніи Хозяйственнаго Управленія отъ 31 декабря 1865, но и доставлены не къ установленному сроку (1-го февраля слѣдующаго за истекшимъ года); самыя отмѣтки, по какимъ параграфамъ и статьямъ смѣты образовался остатокъ и дѣйствительно ли онъ подлежитъ зачету, сдѣланы не ясно и не удовлетворительно; притомъ эти остатки показываются въ графѣ уже зачтенныхъ на слѣдующій годъ на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, тогда какъ они получили назначеніе только на 1870 годъ, остаточныя же суммы отъ продажи ученикамъ книгъ, не смотря на то, что онѣ были зачисляемы прежде въ число смѣтнаго назначенія, показываются вторично подлежащими зачету, что очевидно влечетъ за собою значительную переписку по разъясненію этихъ статей. Приказали: Въ виду вновь замѣченныхъ отступленій отъ правилъ для составленія смѣтъ по содержанію духовно-учебныхъ заведеній, не смотря на циркулярный указъ Сѣнода, отъ 5-го февраля 1869 года за № 7, о непремѣнномъ соблюденіи сихъ правилъ, Святѣйшій Сѣнодъ признаетъ необходимымъ: 1) строжайше подтвердить тѣмъ Епархіальнымъ Начальствамъ, въ епархіяхъ коихъ правленіями духовныхъ училищъ допущены по смѣтамъ вышеупомянутыя отступле-

нія, о точномъ исполненіи сказаннаго указа Синода; 2) циркулярно поручить всѣмъ Епархіальнымъ Архіереямъ сдѣлать распоряженіе, чтобы правленія духовныхъ академій и семинарій, согласно съ данною имъ формою, доставляли вѣдомости о наличныхъ остаткахъ по содержанію духовно-учебныхъ заведеній непременно къ установленному сроку, къ 1-му февраля слѣдующаго за истекшимъ года, объясняя въ сихъ вѣдомостяхъ съ точностію: по какимъ параграфамъ и статьямъ смѣты образовались остаточныя суммы, какія изъ нихъ подлежатъ расходованію въ будущемъ году на предметы, опредѣленные смѣтою, и какія остаются свободными; и наконецъ 3) такъ какъ на преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній по новымъ уставамъ и штатамъ въ число прочихъ средствъ зачтена свѣчная прибыль по приходскимъ церквамъ въ смѣтномъ размѣрѣ 1866 года, а по кладбищенскимъ—въ цифрѣ дѣйствительнаго поступленія, то, на случай могущаго произойти недобора въ этой прибыли противъ сдѣланнаго исчисленія, предписать Преосвященнымъ тѣхъ епархій, въ которыхъ духовно-учебныя заведенія преобразованы, озаботиться, чтобы упомянутый недоборъ въ свѣчной прибыли, какъ объяснено и въ смѣтахъ доходовъ по содержанію преобразованныхъ духовно-учебныхъ заведеній, былъ немедленно и неопустительно пополненъ, тамъ гдѣ онъ окажется, изъ оставленныхъ въ распоряженіи духовенства подлежащей епархіи мѣстныхъ средствъ.

Отношеніе Господина П. д. Оберъ-Прокурора Св. Синода, послѣдовавшее къ Его Преосвященству, отъ 8 Іюля 1870 года.

По случаю увольненія одного изъ епархіальныхъ Преосвященныхъ на покой и временнаго назначенія на его мѣсто другаго лица, мѣстный епархіальный съѣздъ духовенства испрашивалъ разрѣшенія: кому утверждать постановленія съѣзда.

Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ, на обсужденіе котораго переданъ былъ этотъ вопросъ, принявъ во вниманіе, что предметомъ дѣйствій епархіальныхъ съѣздовъ не могутъ быть дѣла экстренныя, требующія безотлагательнаго исполненія, полагаель, что постановленія епархіальныхъ съѣздовъ, въ случаѣ вакансіи мѣстной Архірейской кафедры, не должны быть приводимы въ исполненіе до назначенія епархіальнаго Преосвященнаго и утвержденія имъ сихъ постановленій.

О такомъ заключеніи Учебнаго Комитета, утвержденномъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 2/10 Іюля сего года, имѣю честь сообщить Вашему Преосвященству, покорнѣйше прося поставить объ ономъ въ извѣстность, кого слѣдуетъ, къ надлежащему въ потребныхъ случаяхъ исполненію.

Отношеніе Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 10 Іюля 1870 года, касательно доставленія обстоятельныхъ свѣдѣній объ ученикахъ, исключенныхъ изъ духовно-учебныхъ заведеній за предосудительное поведеніе.

Начальства духовно-учебныхъ заведеній, сообщая, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 15—29 Ноября 1867 года, Синодальному Оберъ-Прокурору свѣдѣнія объ исключенныхъ изъ означенныхъ заведеній за предосудительное поведеніе или направленіе учениковъ, нерѣдко ограничиваются лишь краткимъ изъясненіемъ, что такой-то ученикъ исключень, на примѣръ, за «грубость» или «дерзость» или «своеволие» и т. п., не указывая подробно всѣхъ обстоятельствъ, подавшихъ поводъ къ исключенію ученика изъ заведенія.

Вслѣдствіе сего, имѣя во многихъ случаяхъ надобность имѣть точныя и подробныя свѣдѣнія о причинахъ исключенія того или другаго воспитанника, имѣю честь покорнѣй-

ше просить Ваше Преосвященство вмѣнить начальствамъ подвѣдомственныхъ Вамъ духовно-учебныхъ заведеній въ обязанность, при сообщеніи о каждомъ исключаемомъ изъ сихъ заведеній за предосудительное поведеніе или направление ученикъ, непременно доставлять надлежаще-засвидѣтельствованныя копии съ журналовъ Правленій сказанныхъ заведеній, по изложенному предмету.

—
II.

Извѣстія и объявленія.

Смотритель и учитель одного изъ духовныхъ училищъ вѣдомства православнаго исповѣданія за обнаруженное изслѣдованіемъ жестокое наказаніе розгами воспитанника— удаленъ мѣстнымъ Епархіальнымъ начальствомъ отъ занимаемыхъ имъ должностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано надлежащее распоряженіе о непринятіи означеннаго смотрителя ни на какую должность по духовному вѣдомству православнаго исповѣданія и сообщено о семъ всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ, имѣющимъ въ своемъ управленіи учебныя заведенія.

(Прасит. Вѣстникъ.)

— Въ Черниговскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ напечатано: въ исполненіе указа Св. Синода, отъ 5 февраля сего 1870 года за № 218, Черниговская духовная Консисторія объявляетъ священно-церковнослужителямъ епархіи, чтобы на случай привлеченія кого изъ нихъ мировыми учрежденіями къ дѣламъ, подлежащимъ духовному суду, не обращались съ прозьбами къ епархіальному начальству, а

предъявляли отъ себя мировымъ судьямъ отводъ о неподсудности своей, и въ случаѣ неуваженія онаго приносили жалобу мировому съѣзду, приговоръ котораго можетъ быть обжалованъ въ кассационномъ порядкѣ.

— Въ Калуж. Епархіальныхъ вѣдомостяхъ напечатано: опредѣленный въ мартѣ сего года на псаломщицкую вакансію, къ Мосальскому Николаевскому собору, студентъ Николай Лужецкій въ семь іюнѣ мѣсяцѣ вошелъ къ Его Высокопреосвященству прошеніемъ, коимъ объяснилъ, что поступая на должность псаломщика, онъ принималъ на себя обязанности, означенныя въ 4 пункт. 11 ст. журн. глав. присут. по дѣламъ православнаго духовенства и слышалъ въ консисторіи объясненіе сего пункта, состоящее въ томъ, что на сказанной должности онъ обязанъ только а) исполнять при богослуженіи клиросное чтеніе и пѣніе, б) сопровождать настоятеля при посѣщеніи прихожанъ для исправленія требъ духовныхъ и в) вести письменоводство по церкви и приходу. Между тѣмъ состоящій при Мосальскомъ соборѣ пономарь поднялъ вопросъ о раздѣленіи съ нимъ обязанности церковнаго звона и другихъ низшихъ по церкви должностей, и причтъ собора затрудняется въ разрѣшеніи сего вопроса. По сему просить начальственнаго на сей предметъ разрѣшенія. Приказали, и Его Высокопреосвященство утвердилъ: Въ ст. 11 пункта 4 журнала Высочайше утвержденнаго присутствія ясно обозначены обязанности псаломщика, именно, на него возлагается исполненіе при богослуженіяхъ клироснаго чтенія и пѣнія, сопровожденіе настоятеля при посѣщеніи прихожанъ, для исправленія духовныхъ требъ и все письменоводство по церкви и приходу. Въ ст. IV пункт. 3 сказано: на вакансіи псаломщиковъ опредѣляются только такія лица, кои по познаніямъ и спо-

собностямъ могутъ быть въ послѣдствіи возведены въ санъ священника, т. е. только окончившіе курсъ богословскаго образованія. На семъ основаніи псаломщики, какъ кандидаты священства, должны быть свободны отъ низшихъ обязанностей прежнихъ причетниковъ, какъ то: звона, метенія церкви и под.

Отъ директора Екатерининскаго Учительскаго Института въ Тамбовѣ.

На основаніи Высочайше утвержденнаго, въ 6-й день іюня сего года, положенія и штата учительскаго института, объявляется для всеобщаго свѣдѣнія: 1) съ 16 августа открывается первый классъ, въ который принимаютъ молодые люди всѣхъ сословій православнаго исповѣданія, не моложе 16-ти лѣтняго возраста, здороваго тѣлосложенія и не имѣющихъ физическихъ недостатковъ, могущихъ служить препятствіемъ къ успѣшному отправленію учительскихъ обязанностей въ народныхъ училищахъ; 2) желающіе поступить въ институтъ представляютъ директору свидѣтельство о своемъ званіи и метрическое свидѣтельство отъ мѣстныхъ причтовъ о рожденіи и крещеніи, и подвергаются испытанію по всѣмъ предметамъ, составляющимъ курсъ начальныхъ народныхъ училищъ; 3) учительскій институтъ есть заведеніе закрытое, въ которомъ получаютъ воспитаніе и полное содержаніе 36 воспитанниковъ на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго учредителемъ, Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ, Емануиломъ Дмитріевичемъ Нарышкинымъ капитала, 250.000 руб., каковыя воспитанники именуются Екатерининскими; 4) въ наступающемъ учебномъ 1870—1871 году въ число этихъ 36 можетъ быть принято только 12 воспитанниковъ; 5) за установленную плату 180 руб. въ

годъ могутъ быть принимаемы стипендіаты сельскихъ обществъ, земства и другихъ вѣдомствъ, а также своекоштные воспитанники; 6) учительскій институтъ состоитъ изъ трехъ классовъ и курсъ ученія въ немъ трехгодичной, по одному году въ каждомъ классѣ; 7) Екатерининскіе воспитанники института, по окончаніи въ немъ курса наукъ, обязаны прослужить въ должности учителей начальныхъ училищъ не менѣ четырехъ лѣтъ, по назначенію попечителя Харьковскаго учебнаго округа; 8) воспитанники института изъ податныхъ сословій освобождаются на все время своего пребыванія въ немъ отъ всѣхъ личныхъ повинностей, не исключая и рекрутской, и 9) воспитанники, окончившіе курсъ въ институтѣ и удостоенные свидѣтельства на званіе учителя народнаго училища, на все время служенія своего въ этой послѣдней должности, освобождаются также отъ всѣхъ личныхъ повинностей, не исключая и рекрутской.

—

Въ Московской синодальной книжной лавкѣ и изъ книжныхъ запасовъ, на Никольской улицѣ, продаются по пониженной цѣнѣ книги: „Византійскіе историки“ въ русскомъ переводѣ, въ 10-ти выпускахъ; нынѣшняя цѣна въ бум.: I-му выпуску 38 к., II-му 63 к., III-му 70 к., IV-му 50 к., V-му 60 к., VI-му 40 к., VII-му 1 р. 38 к., VIII-му 1 р. 23 к., IX-му 1 р. 15 к. и X-му 65 к., за экземпляръ.

—

Въ 1870 и 1871 церковномъ году, начинающемся съ сентября мѣсяца, Рязанскія епархіальныя вѣдомости будутъ издаваться, по примѣру прежнихъ лѣтъ, по программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ. Вѣдомости выходятъ дважды въ мѣсяцъ, 1 и 15 чиселъ, — въ размѣрѣ

не менѣ трехъ печатныхъ листовъ большаго формата.

Цѣна вѣдомостей за годъ безъ пересылки *четыре* руб. *пять-десять* коп., а съ пересылкою *пять* руб. Подписка принимается: въ Рязани, въ Редакціи епархіальныхъ вѣдомостей, при Рязанской духовной консисторіи.

БАЛАНСЪ

Тамбовскаго Городскаго Общественаго Банка,

къ 1 сентября 1870 года.

Долженъ.

1) Основной капиталъ	117.344 р.	27 $\frac{1}{2}$ к.
Запасный	10000 р.	
2) Вклады: безсрочные	681.000 р.	5 к.
Срочные	592.720 р.	
Вѣчные	100.965 р.	
На храненіе	520 р.	57 $\frac{1}{2}$ к.
3) Переходная сумма	24.934 р.	99 $\frac{1}{4}$ к.
4) Процентвъ выручено:		
По учету векселей	39.735 р.	88 к.
По залогу % бумагъ	3.143 р.	4 к.
Зданій	9098 р.	18 к.
Земель	25.029 р.	99 к.
Вещей	80 р.	36 к.
5) Проценты, принадлежащіе вкладчи-		
камъ	38.236 р.	17 к.
<hr/>		
Итого	1.642,808 р.	51 $\frac{1}{4}$ к.

ИМѢЕТЪ.

1) Наличность или касса	88.533 р. 66 к.
2) Процентныя бумаги, принадлежащія Банку.	1.179 р. 88 к.
3) Срочныя векселя.	822.202 р.
4) Ссуды подъ залоги:	
% бумагъ	51.175 р.
Зданій.	177.722 р.
Земель.	462.800 р.
Вещей.	1.614 р. 50 к.
5) Проценты по вкладамъ выданныя:	
Безсрочнымъ.	15.563 р. 87 к.
Срочнымъ.	17.299 р. 38 к.
Вѣчнымъ	2.073 р. 37 к.
6) Расходъ по содержанію Банка	2.574 р. 80 ¹ / ₄ к.
7) Расходъ по операціямъ.	70 р. 5 к.

Итого .1.642.808 р. 51¹/₄ к.

**20 и 21 Іюня 1870 года въ Тамбовскомъ училищѣ дѣвицъ
духовнаго званія.**

20 іюня сего года Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Θεодосій, Епископъ Тамбовскій и Шацкій, производилъ экзаменъ въ старшемъ (выпускномъ) классѣ дѣвшняго училища дѣвицъ духовнаго званія. На экзаменѣ присутствовали: ректоръ семинаріи, кафедральный протоіерей, членъ училищаго совѣта протоіерей А. С. Соколовъ, начальница училища, воспитательницы и всѣ преподаватели. Испытаніе производилось по всѣмъ предметамъ, составляющимъ полный училищный курсъ, именно: 1, по Закону Божию т. е. катехизису, священной исторіи, церковной исторіи и

преимущественно русской, объясненію богослуженія; 2, по всеобщей и русской гражданской исторіи; 3, по теоріи словесности и исторіи русской литературы, 4, по Географіи, общей и русской, и 5, по Ариѳметикѣ. Отвѣты воспитанницъ по всѣмъ предметамъ были очень удовлетворительны. Его Преосвященствомъ и другими лицами, присутствовавшими на экзаменѣ, даваемы были разные вопросы и возраженія, которыя рѣшались толково. Ясно было, что онѣ не на память только усвоили содержаніе учебныхъ книгъ, но сознательно.

Всѣхъ воспитанницъ, окончившихъ курсъ въ настоящемъ году, было 24. Изъ нихъ 19 сиротъ, кои содержались на счетъ епархіальныхъ средствъ училища, остальные 5 вносили незначительную плату за воспитаніе и содержаніе.

На другой день послѣ экзамена, 21 іюня, въ воскресенье, Его Преосвященствомъ въ домово́й училищной церкви совершена была божественная литургія, при чемъ на лѣвомъ клиросѣ пѣли избранныя воспитанницы. Пѣніе было очень стройное и пріятное. По окончаніи литургіи всѣ воспитанницы выпускнаго класса собрались въ пріемную залу. Здѣсь Его Преосвященство собственноручно роздалъ имъ аттестаты. Не радость сіяла на лицахъ воспитанницъ при этомъ актѣ, заканчивавшемъ ихъ учебное поприще, напротивъ скорби и безпокойство отображались на ихъ лицахъ. Имъ предстояло тотчасъ же оставить мирный кровъ училища, гдѣ онѣ провели нѣсколько лѣтъ тихо и безмятежно, во всемъ обезпеченныя, предстояло разойтись въ разныя стороны, изъ тѣснаго сомкнутаго кружка вступить въ колovorотъ жизни. Что дастъ эта жизнь? Какая судьба скрывается въ непроглядно-темной будущности. Только пятая часть воспитанницъ могли вернуться подъ тихій кровъ родительскаго дома, въ теплую среду семейной жизни; остальные всѣ сироты не знали гдѣ главу преклонить.

Но и первыя съ глубокою грустію разставались съ училищемъ; послѣднія же какъ ни сдерживались, не могли о-силить слезъ и рыданій. Мало по малу зала огласилась общимъ рыданіемъ. Всѣ присутствовавшіе глубоко трону-ты были этимъ взрывомъ рыданій: самъ благосердый Ар-хипастырь, которому главнымъ образомъ училище обяза-но своимъ устройствомъ и поддержкою, не могъ удержаться отъ слезъ. Съ какими чувствами воспитанницы оставляли училище, это выразила отъ лица всѣхъ одна изъ нихъ, Сми-рнова, въ слѣдующей рѣчи, обращенной къ особѣ Его Прео-священства:

„Въ послѣдній разъ собрались мы предъ тобою, нашъ дорогой отецъ! Посмотри на насъ, позволь и намъ на-смотреться на тебя; быть можетъ, нѣкоторымъ изъ насъ не придется болѣе уже видѣть тебя. Чтоже скажемъ мы тебѣ теперь? Намъ грустно, намъ тяжело разставаться съ этимъ заведеніемъ, благоустроеннымъ тобою, въ которомъ мы доселѣ находили пріютъ, покой, пищу, одежду, доброе наставленіе и ученіе. Намъ страшитъ суровое испытаніе, ожидающее насъ въ жизни, за стѣнами сей школы. Мы жили здѣсь, какъ въ тихой пристани, охраняемая только отеческою попечительною любовію, а теперь мы опять си-роты, и нѣкоторыя изъ насъ, вполне безпріютныя. Грустно, тяжело жить на свѣтѣ сиротѣ, много придется намъ пролить горкихъ слезъ...

Ахъ, вы слезы, сиротскія слезы!

Льетесь вы ранней и поздней порой,—

Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,

Неистошимыя, неизчислимыя,—

Льетесь, какъ льются струи дождевыя

Въ осень глухую, порою ночью...

И некому руку подать

Въ минуты душевной невзгоды.

Страшна ты безпріютная, беспомощная бѣдность, мно-

го ты сокрушила и опозорила людей!

Ты зналь, нашъ добрый отецъ, какова доля сироты, потому и собралъ насъ подъ кровъ сего заведенія, чтобы укрыть насъ здѣсь отъ бѣдъ безпомощнаго сиротства на первыхъ порахъ жизни и приготовить насъ къ борьбѣ съ суровою нашей долей, ожидающею насъ впереди.

Въ этомъ приютѣ мы научились молиться. Молитва будетъ нашею опорой въ жизни.

Есть сила благодатная

Въ созвучьи словъ святыхъ,

И дышетъ непонятная,

Святая прелесть въ нихъ.

Съ души, какъ бремя, скатится,

Сомнѣнье далеко,—

И вѣрится, и плачется,

И такъ легко, легко...

Благодаренье тебѣ, нашъ добрый отецъ и благодѣтель, что ты приютилъ насъ здѣсь, и тѣмъ далъ намъ возможность подготовиться къ жизни. Правила истины и добра, внушенныя намъ здѣсь, послужатъ намъ руководствомъ въ жизни, предохранятъ насъ отъ ошибокъ и преткновеній. Мы унесемъ отсюда и сохранимъ навсегда благодарное воспоминаніе о нашихъ наставникахъ и воспитателяхъ, которыхъ ты заботливо изыскалъ и приставилъ къ намъ. Благодаренье тебѣ, нашъ попечительный отецъ, что ты приучилъ насъ здѣсь къ труду: трудъ предохранитъ насъ отъ ужасающей нищеты. Мы не изнѣжены воспитаніемъ, не избалованы услугами чужихъ рукъ, подобно дѣтямъ высокопоставленныхъ и обеспеченныхъ въ средствахъ жизни родителей. Мы съ трудомъ познакомились еще здѣсь, и теперь знаемъ какъ имъ пользоваться. Трудъ доставитъ намъ насущный хлѣбъ—съ насъ и достаточно. Мы не строимъ воздушныхъ замковъ; не такъ мы воспитаны. Надѣмся, что трудовой хлѣбъ будетъ для насъ и сладокъ и безу-

пречень. Вступая отнынѣ въ среду горя и нищеты, мы надѣмся быть не бесполезными и для нашихъ братій, убитыхъ горемъ и нуждой, и сверхъ того омраченныхъ невѣжествомъ. Благослови же насъ, отецъ и благодѣтель, на подлежащій намъ путь. Благослови и прости!“

Вслѣдъ за нимъ воспитанницы дружнымъ хоромъ пропѣли умилительную пѣснь: *нынѣ отпущаеши*. Сквозь слезы пѣли онѣ эту прощальную пѣснь; голоса прерывались отъ рыданій. Зрѣлище было глубоко-потрясающее. Такое возбужденное состояніе дѣвицъ, ихъ слезы и рыданія, вызванныя предстоящею разлукой съ училищемъ, ихъ раздумье относительно будущей своей судьбы, затруднительное положеніе сиротствующихъ изъ нихъ (а ихъ, какъ сказано, было большинство), все это само собою вызывало на умиротворяющее и смягчающее слово. Благосердый Архипастырь, съ отеческою любовью радѣвшій о ихъ воспитаніи, не могъ отпустить ихъ изъ школы безъ напутственнаго руководительнаго наставленія. Возмущеннымъ отъ избытка чувствъ голосомъ, онъ въ простыхъ, но сердечныхъ, словахъ далъ имъ это наставленіе, вразумляя ихъ не смущаться помыслами малодушія, не предаваться унынію, но всегда искать для себя опоры и утѣшенія, охраны и убѣжища въ мысли о Богѣ и Его любвеобильномъ промысленіи о насъ и о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ, насъ ради немощныхъ, труждающихся и обремененныхъ, приходившемъ въ міръ. „Не мучьте себя, говорилъ между прочимъ Владыка, чрезмѣрными заботами о своей будущей судьбѣ, не предавайтесь унынію и скорбнымъ помысламъ. Мысль о Богѣ и Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ, — вотъ чѣмъ должны быть заняты и вашъ умъ и ваше сердце, и въ настоящія минуты и во всѣхъ обстоятельствахъ и положеніяхъ, какія только встрѣтятся вамъ на пути жизни. Твердо помните, что Богъ устроляетъ судьбы нашей жизни, что жизнь не есть игра случайностей, что съ высотъ небесныхъ за

каждымъ изъ насъ око любвеобильнаго отца. *Аще и мать забудетъ отрока свое во еже кому не помянути е, Азъ же не забуду, глаголетъ Господь.* Онъ не забываетъ и низшія свои творенія, печется о птенцахъ врановыхъ: тѣмъ болѣе Онъ благопромыслительно охраняетъ и устрояетъ судьбу вышихъ своихъ твореній, людей, и особенно тѣхъ изъ нихъ, кои при безпомощномъ сиротствѣ на Него Единаго уповаютъ съ дѣтскимъ простосердечіемъ и довѣріемъ. Не даромъ Онъ именуется *отцомъ сиротъ и Богомъ всякаю утѣшенія.* Мысль о Богѣ и Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ да будетъ всегдашнею вашею спутницею, неизмѣннымъ руководительнымъ началомъ всѣхъ вашихъ дѣйствій. Въ ней вы найдете и охрану отъ искушеній и опору въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни, и утѣшеніе въ скорбяхъ, и свѣтъ въ темныхъ судьбахъ жизни^а. Продолжительная бесѣда Его Преосвященства состояла въ развитіи этихъ мыслей и видимо благотворно подѣйствовала на воспріимчивыя души воспитанницъ.

За тѣмъ Его Преосвященство, въ сопровожденіи начальницы и всѣхъ сослужившихъ ему на литургіи, посѣтилъ столовую во время обѣда воспитанницъ; наконецъ осмотрѣлъ вновь устроенный каменный трехъ-этажный домъ ученицъ, примыкающій къ прежнему деревянному, и, благословивъ воспитанницъ, отправился домой. Нельзя не сказать здѣсь нѣсколько словъ о вновь устроенномъ каменномъ домѣ для училища. Онъ выстроенъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ и распоряженіемъ самаго Владыки. Стоимость его простирается до 12 тысячъ. Сумма эта собрана частію отъ продажи книги: *„Философскія размышленія о божественности Христіанской религіи Оюста Николя“* (трудъ Его Преосвященства), частію изъ добровольныхъ пожертвованій разныхъ благотворительныхъ лицъ по предложенію Его Преосвященства, частію изъ пожертвованія самаго Владыки. На устройство сего дома употреблено имъ собственныхъ де-

негъ до 5 тысячъ рублей. Благодаря устройству сего дома, теперь представляется возможнымъ принимать несравненно большее число воспитанницъ, чѣмъ прежде. Дай Богъ, чтобы наше епархіальное женское училище болѣе и болѣе росло и укрѣплялось, проходя отъ силы въ силу, и никогда не оскудѣвало въ средствахъ содержанія.—

Редакторъ: Ректоръ Семинаріи Протоіерей Михаилъ Зефировъ.

Съ дозволенія цензуры. 26 Сентября 1870 года.

Тамбовъ. Въ Губериской Земской Типографіи.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪДОМОСТЯМЪ.

15 Августа

№ 8.

1870 года.

ПРОПОВѢДИ ПОКОЙНАГО ПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКОЛАЯ,
БЫВШАГО ЕПИСКОПА ТАМБОВСКАГО.

С Л О В О

на Преображеніе Господне и на открытіе Тамбовскаго
Александринскаго Института Благородныхъ дѣвицъ, 1843
года.

И преобразися (Исусъ) предъ ними (т. е. предъ учениками своими) и просаптися лице Его, яко солнце, ризы же Его быша бѣлы, яко свѣтъ. (Мат. 17, 2).

Дивное было видѣніе на Өаворѣ! Ни съ однимъ чело-
вѣкомъ того отъ вѣка не было. Самъ Исусъ Христось, пол-
ный божества, однакожъ пребывалъ на землѣ *въ образъ раба*,
какъ выражается Апостоль, или въ обыкновенномъ видѣ
человѣка грѣшника, какъ и всякой изъ насъ, и за завѣсой
плоти Его не видна была Божественная Его слава. Но
представилась нужда проявить Ему свою славу чрезъ эту
самую завѣсу. Надобно было воодушевить учениковъ на
будущія событія, которыя дѣлались для нихъ со дня на
день, съ часу на часъ, болѣе непонятными и страшными.
Они не могли вмѣстить мысли, что Учителю ихъ непре-
мѣнно надлежало умереть. *Милосердъ ты, Господи: не имать*

быти Тебѣ сіе, прерѣкалъ Петръ Иисусу Христу, говорившему о предстоявшихъ ему страданіяхъ (Мат. 16 22). Допустить ли это Богъ Отецъ, Который такъ благоволилъ къ Тебѣ? На этотъ разъ Господь только укорилъ ученика, что онъ *не мыслитъ, яже суть Божія, а человѣческая*. Но спустя шесть дней Христосъ беретъ съ собою Петра, Іакова и Іоанна, возводитъ ихъ на Ѡаворъ помолиться, и во время молитвы преображается такъ, что лице Его просвѣтилось какъ солнце, и одежда сдѣлалась бѣла какъ свѣтъ. Славы столько было, что ученики поразились страхомъ и вмѣстѣ неземною отрадою, и тотъ же Петръ, почувствовавшись, воскликнулъ: *Господи, добро есть намъ здѣсь быти!* Дивно, воистину, было видѣніе Ѡаворское!

Но что, если бы какой вѣрный свидѣтель истины увѣрилъ кого нибудь изъ насъ, что и ему предназначено такое же преображеніе: какъ была бы отрадна и восхитительна такая увѣренность!

Мы любимъ имѣть свѣтлое лице, украшаться свѣтлыми одеждами: чтожъ, когда бы лице наше просвѣтилось какъ солнце, и одежды просіяли, какъ свѣтъ? И, однакъжъ, это не мечта не сбыточная. Не кому либо одному, а всѣмъ намъ, какъ христіанамъ, предназначено преображеніе, подобное Христову. Трудно повѣрить?—но Апостоль опредѣлительно говорить, что Иисусъ Христосъ *преобразитъ смиренное тѣло наше, какое мы теперь носимъ, въ тѣло славное, сообразное прославленному Его тѣлу* (Филип. 3, 21). Можно ли не повѣрить слову Апостольскому, которое не можетъ не быть достовѣрно? Но вотъ еще большее доказательство: самъ Иисусъ Христосъ общается что *праведники просвѣтятся какъ солнце, въ царствѣ Отца небеснаго* (Матѣ. 13, 43). Остается только быть праведниками, что бы удостоиться такого преображенія; но быть праведниками всѣ мы и призваны и обязались при крещеніи. Одно различіе, что наше преображеніе послѣдуетъ въ будущей

жизни, по воскресеніи, когда тѣла наши будутъ *нетлѣныи, духовны, крѣпки и свѣтлы* (1 Кор. 15, 42—44). Такъ Господь, принявши нашу природу, возвысилъ и прославилъ ее и въ себѣ самомъ, и въ вѣрныхъ своихъ послѣдователяхъ! Нужды нѣтъ, что славное преображеніе наше ожидаетъ насъ по ту сторону гроба; здѣсь, можетъ быть, мы злоупотребили бы имъ, какъ злоупотребляемъ всякими дарами Божіей благодати, и потеряли бы; но въ вѣчности, если удостоимся, будемъ вѣчно имъ наслаждаться, не злоупотребляя и не теряя; и тѣмъ усладительнѣе должна быть для насъ надежда будущей жизни. Прославимъ же Господа и за Его и за наше преображеніе. Но мнѣ теперь нужно побесѣдовать съ вами, торжествующіе слушатели, объ иномъ преображеніи, чтобы, почтивъ праздникъ преображенія Господня, почтить и настоящее наше торжество.

Какая счастливая была мысль—избрать день праздника преображенія Господня днемъ освященія сего храма и всего зданія, и открытія самаго Института! Ибо и здѣсь преображеніе же; и сходство обоихъ торжествъ весьма близкое. Не останавливаюсь на освященіи храма сего и всего зданія, хотя и здѣсь преображеніе очевидное. Ибо храмъ чрезъ тайнодѣйствіе освященія преобразился въ домъ Господень, гдѣ и Богъ съ людьми и люди съ Богомъ будутъ приходить въ ближайшее и тѣснѣйшее, чѣмъ въ иномъ мѣстѣ, общеніе. И все зданіе сіе чрезъ освятительное окропленіе святою водою преобразилось въ священный храмъ воспитанія и образованія дѣтей христіанскихъ. Важно и славно сіе преображеніе; домъ Господень исполненъ славы; и домъ воспитанія не можетъ не имѣть своей лавы. Но поспѣшимъ къ предмету, который наиболѣе занимаетъ теперь и мое и ваше вниманіе. Это, слушатели, самое воспитаніе дѣтей, нынѣ здѣсь такъ торжественно предначинаемое, которое и по простому понятію есть преобразование, но можетъ дойти и довести къ преображе-

нію подобному Христову, если началомъ и концомъ его будетъ страхъ Господень, если умы и сердца дѣтей будутъ образованы по образцу Христову, такъ чтобы въ дѣтяхъ былъ такой же образъ мыслей, чувствованій, поступковъ и всей жизни, какой въ самомъ Христѣ, по общей заповѣди Апостола: *сіе да мудрствуется въ васъ*, во всѣхъ христіанахъ, *еже и во Христѣ Исусѣ* (Фил. 2, 5), *да вообразится въ васъ* (Гал. 4, 19); если, однимъ словомъ, воспитаніе будетъ строго Христіанское. О семъ-то воспитаніи хочу раздѣлить съ вами мои мысли, или лучше, желанія и ожиданія. У насъ вообще воспитаніе дѣтей христіанское, потому что законъ Божій непремѣнно входитъ въ кругъ предметовъ воспитанія. Но я желалъ бы, чтобы въ самомъ христіанскомъ воспитаніи преимущественно старались развить въ дѣтяхъ дѣятельное христіанство, видѣрить въ сердцѣ самую силу Религіи, образовать ихъ истинными христіанами, не по имени только и на словахъ, а на самомъ дѣлѣ.

И можно ли иначе? Ибо, вопервыхъ, дѣти для воспитанія представляются сюда христіанскія, которыя въ самомъ крещеніи уже обручены Христу и обязались клятвою быть истинными христіанами: какъ же не дать имъ воспитанія христіанскаго въ самомъ строгомъ смыслѣ слова? Воспитаніе есть начало, основа, зерно всей жизни человѣка; каково начало, таково зданіе; каково зерно, таковъ плодъ; каково воспитаніе, такова жизнь. Чтожь, если воспитаніе будетъ, такъ сказать, какое нибудь полухристіанское?—выдетъ полухристіанинъ, ни теплой, ни холодной, котораго Господь обѣщалъ излевать, т. е. отвергнуть отъ Себя (Апок. 3, 16). Слѣдственно не дать дѣтямъ воспитанія строго христіанскаго значитъ отнять ихъ у Христа. О, это ужасно! Отнимать у Христа то, что Онъ купилъ безцѣнною своею кровію!

Когда я говорю о строгомъ христіанскомъ воспитаніи,

не говорю, чтобы дѣтей учили однимъ только догматамъ, правиламъ и обрядамъ Христіанской религіи, а болѣе ничему. Нѣтъ: предметы для здѣшняго воспитанія уже опредѣлены и указаны. Послѣ закона Божія, въ числѣ ихъ положены предметы, нужные для общественной жизни. Религія не отвергаетъ такихъ предметовъ, коль скоро они необходимы въ общежитіи. Она допускаетъ, благословляетъ и освящаетъ все, необходимое для благоустройства общежительнаго, для собственныхъ ея польвъ, ибо она внѣшнею стороною живетъ на землѣ же, нужно, чтобы мы въ обществѣ проводили *жизнь тихую и безмолвную* (1 Тим. 2, 2), т. е. счастливую и покойную; а къ сему способствуютъ общежительные добрые обычаи, правила, искусства, науки, къ сему клонится и все свѣтское образованіе дѣтей. Но если, къ несчастію, общежительные предметы возьмутъ въ сердцахъ дѣтей перевѣсъ надъ религіею, если вытѣснятъ ее и не допустятъ въ душахъ дѣтскихъ вкорениться божественнымъ ея урокамъ, если воспитаніе будетъ имѣть главною цѣлю одну свѣтскую жизнь, одни мірскіе успѣхи, чувственные удовольствія, одно земное счастье: тогда ... о! тогда лучше бы не воспитывать дѣтей: тогда воспитаніе будетъ хуже, чѣмъ полухристіанское. Думаете-ли, что послѣ такого воспитанія дитя принесетъ въ жизнь дѣятельную Религію,—хотя бы всѣ ея уроки были ему преподаны и не успѣли еще выпасть изъ памяти? Не можетъ быть. Когда сердце все настроено для міра, оно уже потеряно для Христа; сердце не можетъ двойтись, что-бы вмѣстѣ принадлежать и міру и Богу (Мат. 6, 24); привязанность къ міру—вражда противъ Бога; кто настроивается быть другомъ міру, тотъ непременно ставится врагомъ Богу: середины нѣтъ, и это ученіе Евангельское. А во врагѣ—какая религія? Религія, повторяю, не отвергаетъ свѣтскихъ предметовъ воспитанія, но требуетъ, чтобы въ воспитаніи они были ей подчинены, а не она; точно такъ же,

какъ религія не отвергаетъ и всѣхъ потребностей тѣлесныхъ, но требуетъ, что бы онѣ были удовлетворяемы не по страсти: *плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. 13, 14), заповѣдуетъ Апостоль. Религія должна быть главнымъ и общимъ началомъ воспитанія, такъ чтобы самое изученіе свѣтскихъ предметовъ какъ бы проникалось религіозностію, или что бы, какъ говорить одинъ изъ древнихъ отцевъ церкви, и плотское совершалось духовно (Св. Игнатій Антиох. Посл. къ Смирнян. нум. 8). Подъ этимъ началомъ пусть идетъ вся свѣтская образованность; тогда она не только не повредитъ дѣлу воспитанія, но и сообщитъ нужное для общежитія достоинство самому строгому Христіанскому воспитанію.

Во вторыхъ, дѣти христіанскія представляются сюда на воспитаніе, конечно, для добродѣтели и для счастья какъ временнаго, такъ и вѣчнаго. Иначе для чего? Ужели для пороковъ и для бѣдствій? Увы! Порокамъ учить насъ сама природа; и пороки привлекаютъ на насъ всякаго рода несчастія. Ужелижъ нужно еще воспитаніемъ усовершенствоваться въ этомъ печальномъ искусствѣ? Но если для добродѣтели и для счастья: то кто не пожелаетъ дѣтямъ воспитанія именно христіанскаго, самаго строгаго?

Добродѣтели христіанамъ нужны, безъ сомнѣнія, христіанскія. Добродѣтелей, основанныхъ на какихъ нибудь мірскихъ и плотскихъ началахъ, а не на Христѣ, для истиннаго христіанина недостаточно; это былъ бы только добродѣтельный язычникъ, либо іудей лицемерный, но не Христіанинъ. Это ученіе самаго Христа, Который послѣдователямъ своимъ говорилъ: *если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, то не войдете въ царство небесное* (Мат. 5, 20), а слѣд. и не будете истинными христіанами; ибо только имъ предоставлено царство небесное. Чѣмъ, спросите, отличается добродѣтель христіанская отъ всякихъ иныхъ добродѣтелей? Тѣмъ, что она

совершается въ чуждомъ грѣхѣ сердца, о имени Иисуса Христа, благодатию Св. Духа, въ славу Бога Отца. Всякая иная добродѣтель не есть христіанская, какъ бы ни была казиста, и христіанина на оправдываетъ, а еще осуждаетъ. Будемъ же признательны, воспитаетъ ли дѣтскую душу для христіанской добродѣтели свѣтская образованность, не проникнутая религіей?— *Съ терновника не собираютъ винограда, ни съ репейника — сморокы* (Мат. 7, 16). Одному Богу доступна внутренняя область нашей души, одна религія проникаетъ до самой совѣсти, проходитъ всѣ изгибы сердца, смиряетъ самость человѣка, умерщвляетъ въ немъ грѣховныя страсти, и порождаетъ добродѣтели чисто христіанскія. Сіе то значить, что безъ Бога и безъ Христа мы не можемъ не только сдѣлать, но и помыслить нечего истинно добраго (2 Кор. 3, 5. Іоан. 15, 5).

Счастіе есть плодъ добродѣтели: это законъ правды и благодати Божей. Слѣдственно, гдѣ нѣтъ христіанской добродѣтели, тамъ нѣтъ и истиннаго счастья, и если для христіанской добродѣтели основа—строгаго христіанское воспитаніе, то непременно—и для истиннаго счастья. Кто виновникъ нашего счастья и несчастья? Мы сами и творцы и враги нашего счастья. Блага земныя, разумѣется, отъ Бога; но составить изъ нихъ себѣ счастье, или не составить, это—наше искусство. Страсти—вотъ домашніе бичи нашего счастья. По страстямъ злоупотребляемъ благами, по страстямъ теряемъ ихъ, по страстямъ злодѣйствуемъ другъ на друга—и счастье бѣжить отъ насъ, хотя бы блага земныя лились къ намъ съ неба золотымъ дождемъ; но на страсти и не всегда они льются. Это впрочемъ такъ извѣстно, что не требуетъ изъясненій. Не явно ли, что для счастья намъ прежде всего надобно обуздать или, по слову Апостольскому, умертвить страсти? Какъ же это сдѣлать? Можно ли въ семъ случаѣ положиться на одну свѣтскую образованность, которая между тѣмъ скорѣе защищаетъ дѣло страстей, облакая ихъ въ оде-

жду общежительной благопристроенности? Нѣтъ! всего надежнѣе религія, какъ и прежде сказано которая какъ одна проникаетъ до сердца, гдѣ страсти роятся и роются, такъ одна имѣетъ силу и убивать ихъ. Дайте религіи полную власть надъ сердцемъ дѣтей, и она научитъ ихъ быть счастливыми.

Что касается до блаженства въ будущей жизни, то уже извѣстно, что вводитъ въ него одна христіанская религія, что наслѣдуютъ его одни истинные христіане, что для наслѣдія его, прежде и паче всего необходима Христіанская жизнь, и христіанское воспитаніе, какъ основаніе христіанской жизни, есть золотой ключъ отъ дверей небеснаго царствія. Въ посланіи къ Тимоѳею Апостоль Павелъ написалъ, что *тѣлесное обученіе вмаля есть полезно; а благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имлюще живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. 4, 8). Въ этомъ заключается все, что сказалъ я. Подъ *тѣлеснымъ обученіемъ* можемъ, не оскорбляя истины, разумѣть обученіе и упражненіе въ предметахъ, до тѣла и тѣлесной жизни относящихся; а въ нашемъ воспитаніи— всю нашу свѣтскую образованность. Если послушаться Апостола,—а какъ же его не послушаться?—то, хотя не должно много, тѣмъ менѣе исключительно, на него полагаться, не только ради будущаго блаженства, но и ради земнаго счастья, ибо это *обученіе вмаля есть полезно*; но все преимущество и въ жизни и въ воспитаніи должно отдать благочестію, которое одно можетъ не только въ жизни будущей приготовить намъ блаженство, но и въ настоящей устроить наше благополучіе; ибо самъ Богъ положилъ въ немъ обѣтованіе или залогъ нашего живота, т. е. счастья, нынѣшняго и грядущаго.

Третью причину, почему я желалъ бы дѣтямъ самаго строгаго христіанскаго воспитанія, нахожу въ самомъ устройствѣ сего заведенія. Здѣсь столько сторонъ свѣтлыхъ, что представляется невозможною самая мысль, чтобы дѣти по какому либо несчастію получили здѣсь болѣе свѣтс-

кое, нежели строго христіанское воспитаніе. Великодушное дворянство добровольно и охотно дѣлаеть значительнѣйшія пожертвованія,—чтобы воздвигнуть сіе величественное зданіе и доставлять въ немъ содержаніе, воспитаніе и образованіе бѣднѣйшимъ благороднымъ дѣвицамъ. Верховная власть не только всеплостивѣйше соизволяетъ на учрежденіе такого заведенія, но и сама, какъ Августѣйші й для насъ образецъ благотворительности, принимаетъ дѣятельное въ немъ участіе, и, что всего важнѣе, даетъ сему заведенію свое имя, дабы видно было, кто чадолюбивая Матерь симъ дѣтямъ. Среди заведенія, среди какъ тѣла сердце, устроится и украшается храмъ Божій, чтобы всегда изливать благодатную жизнь на всѣхъ обитателей его. По избранію и утвержденію самой Верховной власти вводятся въ вертоградъ сей блюстители и дѣлатели достойные, и, въ большее доказательство внимательности и заботливости Монаршей о семъ заведеніи, приходитъ отъ лица Царева, какъ вѣрное и свѣтлое око его, мужъ совѣта и опыта—дать первое движеніе сему дѣлу, открыть и совершить настоящее торжество. Какъ утѣшительно одно перечисленіе такихъ обстоятельствъ! Чтожь? Ужели на столь дорогую цѣну должно купить вещь предъ судомъ Божиємъ ничего нестойщую, а для дѣтей не составляющую ни достойнаго украшенія, ни поручительства на добродѣтель и счастье? Столько Монаршей попечительности, проистекающей изъ святой Царственной ревности о благочестіи и счастіи народа, столько великодушныхъ пожертвованій, которымъ другаго источника не могу придумать, кромѣ глубокой христіанской благотворительности; и храмъ Божій, столь удобный и благолѣпный, и воспитатели просвѣщенные, благонамѣренные, благонадежные—все это уже ли для того, чтобы дѣтямъ получить здѣсь образованіе, блистательное только для свѣта, а безжизненное для христіанства? О! сохрани Богъ пожать плоды, столь несообразные съ своими нача-

лами. Нѣтъ! Отеческая попечительность Благочестивѣйшихъ Вѣнценосцевъ должна быть вознаграждена истиннымъ благочестіемъ воспитанницъ; христіанская благотворительность великодушнаго дворянства должна быть заплачена зрѣлымъ плодомъ христіанства; не тщетно будетъ занимать мѣсто свое здѣсь и домъ Господень, не тщетно будутъ совершаться въ немъ священнодѣйствія, не тщетно будутъ исходить изъ него и благословенія на воспитателей и воспитанницъ; ни тѣ, ни другія не забудутъ священныхъ своихъ обязанностей—свято оправдать добрыя о нихъ надежды; религія была основаніемъ и утвержденіемъ сего прекраснаго дѣла; религія будетъ и совершеніемъ и вѣнцемъ его, и здѣсь торжественно исполнится воля Господа, глаголющаго: *оставите дѣтей, и не возбраняйте имъ прийти ко Мнѣ: таковыхъ бо есть царство небесное* (Мат. 19, 14).—

Такъ несомнѣнно для меня исполненіе моихъ желаній; и тѣмъ смѣлѣе и откровеннѣе могу высказать ожиданія, которыя, вѣрно, раздѣляютъ съ мною и всѣ здѣсь присутствующіе.

Первое ожиданіе. Въ начало и основу всего воспитанія дѣтей положится здѣсь именно Религія Христіанская, которой будетъ подчинены всѣ прочіе предметы, и чѣмъ дѣтскій умъ будетъ медлительнѣе къ принятію уроковъ ея, тѣмъ внушеніе сихъ уроковъ будетъ ревностнѣе, настоятельнѣе, убѣдительнѣе. Я не разумѣю здѣсь однихъ уроковъ по закону Божію и трудовъ одного законоучителя. Религія должна быть извѣстна и начальствующимъ и наставникамъ сего заведенія; и всѣ не остановятъ дѣлать дѣтямъ при случаѣ практическія религіозныя внушенія. Въ Ветхомъ завѣтѣ читаемъ, что Господь, изъяснивши народу своему заповѣди закона своего, прибавилъ ему и сіи достопримѣчательныя слова: *да накажешь ими, т. е. да поучаешь заповѣдямъ Моимъ, сыны твои и да возлагалеси о нихъ спящій въ дому, и идишь путемъ, и лежа, и возставъ* (Втор. 5,

7). Это значитъ, что религіозныя наставленія должны преслѣдовать дѣтей рѣшительно во всѣхъ ихъ положеніяхъ. Симъ только способомъ Религія можетъ глубоко вѣдраться въ сердца дѣтей. Но одному Законоучителю, очевидно, это невозможно; а всѣмъ воспитателямъ и легко и удобно. Ужелижъ кто откажется отъ столь священной обязанности? Не думаю, иначе какъ исполнится то повелѣніе Господне?

Второе ожиданіе. Послѣ религіозныхъ наставленій воспитатели будутъ практически прилагать сіи наставленія къ сердцу и жизни дѣтей. Сердца дѣтей—молодая земля, въ которую однакожъ рукою лукаваго уже брошены сѣмена страстей и пороковъ. Нужно неусыпно наблюдать, чтобы эти сѣмена не усилили губельныхъ своихъ отпрысковъ; иначе они заглушатъ и подавятъ сѣмена добродѣтели, посѣваемые воспитаніемъ. Нужно будетъ то обличать, то исправлять, а иногда наказывать дѣтей, но все съ должнымъ благоразуміемъ. Опасны крайности: излишняя строгость, и излишняя ласковость; первая ожесточаетъ, послѣдняя разслабляетъ; должно умѣрять одно другимъ; но не должно пропускать безъ вниманія ничего худаго. Къ воспитателямъ въ семъ отношеніи относятся слова, сказанныя Богомъ одному Пророку: *сыне чловчъ, стража дахъ тя дому Израилеву, да слышиши слово отъ устъ Моихъ, и воспретиши имъ отъ Мене. Внегда глаголати Ми беззаконнику, смертію умреши; и не възвѣстиши ему, ни согласиши: беззаконникъ той въ беззаконіи своемъ умретъ, крове же его отъ руки твоея възыцу* (Езек. 3, 17. 18). Воспитатели—стражи дѣтей, и если они не остановятъ дитя отъ чего либо худаго, дитя потерпитъ вредъ, но вина възыщется съ воспитателей. Съ другой стороны нужно стольже неусыпно наблюдать и за отпрысками добродѣтелей, усиливать слабыя, умѣрять слишкомъ быстрыя, вести къ дальнѣйшему совершенству путемъ царскимъ, не давая уклоняться ни на десное, ни на

шнее, повелѣвая, умоляя, утѣшая, одобряя.

Третье ожиданіе. Воспитатели будутъ предшествовать дѣтямъ въ благочестіи примѣромъ собственной христіанской жизни. *Кто сотворитъ и научитъ*, т. е. ученіе свое самъ оправдаетъ примѣромъ, *тотъ селій наречется въ царствіи небесномъ*, сказалъ Иисусъ Христосъ (Мат. 5, 19); слѣдственно тотъ будетъ и наилучшимъ воспитателемъ дѣтей. Извѣстно, какое властное вліяніе имѣютъ на людей примѣры, тѣмъ паче на дѣтей. Въ ученіи всякое правило представляется только въ половину, въ одной теоріи, и безъ важнѣйшей стороны, безъ исполненія; но въ примѣрѣ всякое правило является во всей своей полнотѣ, въ бытіи, въ опытѣ. Отъ того—примѣры такъ сильно и дѣйствуютъ; ибо дѣйствуютъ не на одно вниманіе и воображеніе, но и на самыя чувства, на всего человѣка. Отъ того наилучшій способъ учить есть примѣръ. Если сами воспитатели благочестивы къ Богу, уважительны къ вышнимъ, дружественны съ равными, кротки съ низшими,нисходительны къ слабымъ, сострадательны къ немощнымъ, умѣренны, воздержны, однимъ словомъ, добродѣтельны во всѣхъ отношеніяхъ: какъ дѣти, и особенно по своей перемчивости, не приучатся и сами быть столь же добродѣтельными? За то, какъ опасны для нихъ худые примѣры! Дѣти тотчасъ ими заражаются, какъ язвою, и тогда гибнуть самыя лучшія наставленія.

Понятно уже, что обязанность воспитателей, сколько сама въ себѣ высока и священна, столько же заботлива и трудна, и едва ли не превышаетъ силъ человѣческихъ. По крайней мѣрѣ, что бы быть достойнымъ воспитателемъ, надобно быть лучшимъ христіаниномъ. Но не будемъ столько малодушны, чтобы отказаться отъ своихъ желаній и ожиданій. *Невозможна отъ человѣка, возможна отъ Бога*; а помощъ Божій всегда намъ готова, и ожидаетъ только нашего за нею обращенія. Остается и воспитате-

лямъ и воспитывающимся ничего не начинать безъ Бога, т. е. не испросивъ у Него помощи и благословія. Есть уже вѣрующіе, что за Божіимъ благословіемъ предначинаемое нынѣ дѣло пойдетъ наилучшимъ образомъ: если страхъ Господень будетъ началомъ и концемъ сего дѣла, то таковымъ о имени Господа и Бога нашего Иисуса Христа и Егоже словомъ отвѣтствую: *по слову вашей будетъ вамъ.*

Да будетъ же благословенъ Богъ, вдохнувшій, утвердившій сіе важное дѣло; да будутъ отъ Бога благословены и довершившій Благочестивѣйшіе Государь Императоръ и Государыня Императрица, всемилостивѣйше соизволившіе на сіе дѣло и принявшіе его подъ свое Отческое покровительство; да будетъ благословенна и христіанская ваша благотворительность, великодушное дворянство; да будетъ благословенно и всѣ дѣланіе ваше, начальствующіе и труждающіеся въ семъ вертоградѣ; да будете благословенны и вы дѣти, и да отверзетъ самъ Господь ваши сердца къ пріятію добрыхъ ученій, да преобразитъ васъ обновленіемъ ума вашего, *во еже искушать и знать вамъ, что есть воля Божія благая иудная и совершенная* (Рим. 12, 2). Да будетъ благословіе Господне на всемъ дѣлѣ семъ и на всѣхъ васъ. Аминь.

С Л О В О

въ день Успенія Божіей Матери.

Одно изъ отраднѣйшихъ чувствъ, возбуждаемыхъ торжествомъ Успенія Пресвятыя Богородицы есть чувство убѣжденія, что и наша смерть будетъ не что иное, какъ сонъ, послѣ коего мы пробудимся къ жизни, точно такъ же, какъ и въ жизни сей мы всякій разъ отъ сна пробуждаемся къ бодрствованію.— Не отратно-ли, въ самомъ дѣлѣ, быть увѣрену, что смерть не есть уничтоженіе, что на ложе

смерти мы возляжемъ съ тѣмъ, чтобы возстать съ обновленными силами, и что погому въ смерти не только нѣтъ ничего страшнаго, а напротивъ она вождельвна, какъ сладкій покой, возобновляющій и укрѣпляющій наши силы?— Но въ семь-то такъ очевидно и убѣждаетъ насъ Успеніе Божіей Матери, которое было не что иное, какъ такая же смерть, какой подвержены все мы, но за которою тотчасъ послѣдовало преставленіе умершей въ жизнь небесную, не только по душѣ, но и по тѣлу, какъ пробужденіе отъ сна, отъ чего сія смерть и есть Успеніе.

Богъ смерти не сотворилъ, говоритъ писаніе; и чело-вѣку даровалъ Онъ жизнь не для смерти, но для жизни. Только чело-вѣку опредѣлилъ Онъ быть свободнымъ, чтобы быть ему чело-вѣкомъ; въ этомъ существенный его характеръ. Не злоупотреби чело-вѣкъ своею свободою, не было бы и смерти; но свобода, употребленная во зло, родила грѣхъ; грѣхъ содѣланный родилъ смерть; и такимъ образомъ смерть за грѣхомъ вошла во весь родъ чело-вѣческой, согрѣшившей въ лицѣ своего родоначальника.—Понятно уже, что смерть не свойственна чело-вѣку, и потому она страшна для него, страшнѣе всего.—Если-жъ Богъ, по правосудію своему, не могъ не попустить грѣха, а съ нимъ и смерти; то по благи и чело-вѣколюбію Онъ положилъ потребить грѣхъ, и смерть содѣлать переходомъ къ жизни, какъ сонъ переходитъ къ пробужденію. Для сего Онъ опредѣлилъ воплотиться и вчело-вѣчиться едиnorodному Сыну своему Господу нашему Іисусу Христу, дабы Онъ, въ лицѣ своемъ, убилъ грѣхъ и смерть, что Онъ и совершилъ, пострадавъ за насъ, и воскресши для насъ,—пострадавъ за насъ, чтобы избавить насъ отъ проклятія за грѣхъ, и воскресши за насъ, чтобы воскресить насъ вмѣстѣ съ Собою. Какъ же было ему убѣдить насъ въ этомъ неоцѣненномъ благодѣяніи, то есть, въ дарованіи намъ воскресенія изъ мертвыхъ?—Еще прежде своего воскресенія, въ минуты

самой смерти своей, Онъ многихъ усопшихъ воскресилъ; ибо въ Евангеліи говорится, что въ часъ смерти Его *гробы отверзошася, и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа, и изшедше изъ гробъ, по воскресеніи его, внидоша во святыи градъ, и явишася многимъ* (Матѳ. 27, 52. 53). Потомъ самъ Онъ своимъ лицомъ воскресъ изъ мертвыхъ и въ теченіи сорока дней являлся ученикамъ своимъ, бесѣдовалъ съ ними, вкушалъ съ ними, и преподавалъ имъ дальнѣйшее наставленіе о царствіи Божіемъ, доколѣ не вознесся на небо. Далѣе Онъ и Пречистой Матери своей попустилъ умереть общею намъ смертію, но тотчасъ же представилъ ее съ пречистымъ ея тѣломъ въ небеса, чтобы вмѣстѣ съ нимъ жить въ царствіи небесномъ. Все это для того, чтобы убѣдить вѣрующихъ въ Него, что и имъ предоставлено тоже блаженное право воскресенія изъ мертвыхъ послѣ смерти тѣлесной.—Вотъ почему Апостолы единогласно увѣряли вѣрующихъ въ несомнѣнной истинѣ предоставленнаго имъ воскресенія;—увѣряли не въ безсмертіи только души по смерти тѣла, но въ самомъ воскресеніи тѣла изъ гроба и истлѣнія. Особенно Апостоль Павелъ весьма много и убѣдительно разсуждаетъ о семъ предметѣ. То говоритъ онъ, что *Богъ, воздвигшій Христа отъ мертвыхъ, оживотворитъ мертвенная тѣлеса ваша* (Римл. 8, 11.); то—что *Христосъ преобразитъ смиренное тѣло наше такъ, что оно будетъ сообразно славному тѣлу Его* (Кол. 3, 21), именно, бывъ положено во гробъ тлѣннымъ, оно воскреснетъ нетлѣннымъ, положено безславнымъ, встанетъ прекраснымъ, положено немощнымъ, воскреснетъ крѣпкимъ, положено душевнымъ или стихійнымъ, стихіями поддерживаемымъ и разрушаемымъ, воскреснетъ духовнымъ (1 Кор. 15, 42—44); то, наконецъ, на нашемъ воскресеніи основываетъ всю вѣру нашу. *Аще мертвіи не возстаютъ, говоритъ онъ, то ни Христосъ воста. Аще же Христосъ не воста, суетна вѣра ваша; но Христосъ воста отъ мертвыхъ, и Онъ начатокъ умершимъ*

бысть, т. е. въ воскресеніи; какъ о Адамъ всѣ умираютъ, такъ о Христѣ всѣ оживутъ; слѣдовательно сколько несомнѣнно то, что мы всѣ по Адаму умираемъ, столько же несомнѣнно и то, что мы во Христѣ всѣ воскреснемъ.— Но речетъ инокъ, продолжаетъ Апостоль: какъ встанутъ мертвіи, какимъ тѣломъ придутъ?—И на такое возраженіе отвѣчаетъ: безуміе, ты еже съеши, не оживетъ, аще не умретъ; а еже съеши, не тѣло будущее съеши, но голо зерно, аще случится, пшеницы или иною отъ прочихъ; Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхоцетъ, и коемуждо съмени свое тѣло. Изъ сего сравненія Апостольскаго легко усмотрѣть, что не только смертію тѣла не опровергается истина воскресенія нашего, но еще смерть тѣла ведетъ къ сей истинѣ, точно такъ же, какъ смерть зерна ведетъ къ его произрастанію; если зерно не истлѣетъ, оно не возродится; такъ и тѣло наше умираетъ, чтобы воскреснуть, и слѣдовательно, смерть наша есть именно не болѣе какъ сонъ, отъ котораго мы пробудимся къ лучшей жизни съ лучшимъ и безсмертнымъ тѣломъ. Такъ истина воскресенія нашего несомнѣнна; и, если разсужденія Апостола не убѣдятъ кого изъ васъ, то убѣдитъ примѣръ воскресенія самаго Господа и успеніе преблагословенной его Матери.— Какую жъ радость должно всякій разъ приносить намъ, братіе, торжество Успенія Божіей Матери, когда оно всякій разъ повторяетъ намъ убѣжденіе въ нашемъ воскресеніи и когда оно, съ тѣмъ вмѣстѣ, всякій разъ уничтожаетъ и разсыпаетъ всѣ страхи, коими воображеніе наше окружаетъ нашъ гробъ, нашу смерть, которая безъ Христа дѣйствительно была бы для насъ страшнѣе всего, но со Христомъ есть сладкій покой для пробужденія въ жизнь вѣчную!

Но если радость настоящаго празднества омрачается для насъ мыслию и словомъ о нашей смерти, и смерть остается для насъ страшною при всемъ убѣжденіи въ не-

сомнѣнности нашего воскресенія, то я не скрою отъ васъ, отъ чего это происходитъ.

Смерть для христіанина можетъ оставаться страшною, если христіанинъ вовсе не думаетъ о своей смерти. Какъ бы не помышлять о смерти, когда она для насъ непреложна, когда событіе ея несомнѣнно и когда минута ея неизвѣстна?—Все это такъ. Но если мы вовсе забудемъ о ней, то она не можетъ не оставаться для насъ страшною потому самому, что о ней забываемъ. Неизвѣстное, но вдругъ намъ представшее, страшитъ насъ своею нечаянностію; между тѣмъ какъ и самыя опасности предусмотрѣнныя и давноожиданныя, теряютъ уже цѣлую половину своихъ страховъ, потому что мы привыкли уже смотрѣть имъ въ самое лицо.—Такъ и смерть, неизбежная, но неожиданная, и вдругъ насъ постигшая, должна по своей нечаянности поразить насъ всѣхъ своимъ ужасомъ. Присмотримся лучше къ ней заранѣе, и она потеряетъ для насъ всѣ свои страхи, какъ для христіанъ, чрезъ смерть переходящихъ въ жизнь вѣчную.

Во вторыхъ, смерть христіанину не можетъ не оставаться страшною, если христіанинъ не воздерживаетъ себя отъ пороковъ, и пьетъ, какъ воду, всякія беззаконія.— *Смерть грѣшниковъ люта*, потому что хотя она и грѣшниковъ переводитъ въ жизнь будущую, но не въ жизнь вѣчную, а на судъ и осужденіе, что писаніе называетъ *смертію второю*. Если для насъ страшна смерть первая или по одному тѣлу: то судите, какъ должна быть страшна смерть вторая, которой за гробомъ подвергнутся нераскаянные грѣшники, которою они будутъ мучиться и по душѣ и по тѣлу, и которая будетъ безсмертна и вѣчна?—Чувство такихъ грѣшниковъ уже здѣсь предошущаетъ страхи второй смерти, и переноситъ ихъ къ смерти первой, отъ того и эта первая смерть не можетъ не быть для нихъ лютою. Не лучше-ли жъ намъ, пока еще время есть, положить се-

бѣ въ непремѣнное правило воздерживаться отъ всякихъ грѣховъ?—Тогда вторая смерть не будетъ насъ устрашать; ибо Господь правосуденъ и милостивъ; а какъ скоро за смертію первую не будутъ угрожать намъ муки, а будутъ ожидать правда и милость Господня; то чего будетъ намъ страшиться этой первой смерти?

Наконецъ, если христіанинъ не будетъ всею душою стремиться къ царствію небесному, а всею душою будетъ привязываться къ жизни временной, къ земнымъ благамъ, къ плотскимъ удовольствіямъ,—то смерть не можетъ не представляться ему страшною по самой непривычкѣ къ той жизни, въ которую поведетъ смерть, и по привычкѣ къ той жизни, отъ которой смерть оторветъ его. Привычка имѣетъ великую надъ нами силу; она, говорятъ, дѣлается второю природою. Какъ трудно и больно разрушать природу, такъ и привычку.—Сердце раздирается пополамъ, когда расторгаютъ его привычку. Тоже будетъ и со всякимъ тѣмъ, кто сдѣлалъ привычку жить для одной земной жизни: какъ же ему не страшиться смерти, которая насильно оторветъ его отъ сей жизни?—Столь же болѣзненное вліяніе производитъ на человѣка и самая непривычка, когда его неволью поведутъ туда, или заставятъ жить тамъ, о чемъ онъ не думалъ, чего никогда не желалъ, къ чему не приготовлялъ себя. Такое нерасположеніе грѣшника къ жизни небесной можетъ сдѣлать для него самое небо адомъ; все тамъ будетъ его мучить, терзать, ужасать, именно потому, что онъ никогда о томъ не помышлялъ, никогда того не хотѣлъ, никогда себѣ того не ожидалъ. Такимъ образомъ, привязанность къ земной жизни и безчувственная холодность къ жизни небесной необходимо окружаютъ смерть нашу всякими ужасами, потому что она отрываетъ человѣка отъ жизни земной и переводитъ къ жизни небесной.

Но довольно сказаннаго, чтобы не обременить васъ,

братіе, въ настоящія минуты. — Избирай, кто хочеть, лю-
бое. Смерть для христіанина есть сонъ, отъ котораго онъ
долженъ пробудиться къ жизни будущей съ новымъ прек-
раснымъ тѣломъ; и потому она сама въ себѣ не имѣеть
тѣхъ ужасовъ, коими наше воображеніе окружаетъ ее; са-
мыя болѣзни смертныя забываются для того, кто чрезъ
смерть спѣшитъ соединиться со Христомъ. Но не забу-
демъ, что, если христіанинъ будетъ удалять отъ себя па-
мять о своей смерти, вмѣсто того, чтобы всегда о ней по-
мышлять, если будетъ позволять себѣ всякіе грѣхи, вмѣ-
сто того, чтобы запрещать себѣ даже грѣховныя мысли,
чувствованія и желанія, и, если онъ пристраститъ къ этой
земной жизни, вмѣсто того, чтобы всегда помышлять о не-
бѣ и стремиться къ нему, ибо настоящее и вѣчное жили-
ще наше на небѣ, и потому намъ всегда должно думать
объ одномъ небѣ; то смерть и для христіанина будетъ
страшною, потому, что онъ, при такомъ образѣ мыслей, чув-
ствованій и всей жизни своей уже отдѣляется отъ Христа,
перестаетъ быть настоящимъ христіаниномъ, и теряетъ
право на всѣ преимущества, дарованныя Христомъ вѣрую-
щимъ въ Него; для такого христіанина смерть останется
смертію, а не будетъ сномъ и сладкимъ успокоеніемъ въ
надеждѣ жизни вѣчной. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

на тотъ же день.

*О дивное чудо! источникъ жизни во
гробѣ полагается, и лѣстница къ не-
беси бываетъ! (Стихира на вечерни).*

Какъ воскъ таетъ отъ огня; такъ вмѣстилищу смерти
надлежало бы уничтожиться отъ источника жизни: но ис-
точникъ жизни во гробѣ полагается, и гробъ остается цѣль
и невредимъ—не чудо ли это? Гробъ для насъ есть лѣст-
ница въ преисподняя земли, куда и полагаются умираю

щіе; но въ успеніи Божіей Матери гробъ становится лѣствицею отъ земли къ небу, отъ смерти къ жизни вѣчной—не чудо ли это?—Измѣняется древній законъ, которымъ жизнь осуждалась на смерть, и возникаетъ законъ новый, которымъ изъ смерти изводится жизнь... *О дивное чудо! Источникъ жизни во гробъ полагается, и лѣствица къ небеси гробъ бываетъ!*

Не приводимъ древнихъ примѣровъ безсмертія безъ смерти,—ни Еноха праведнаго, который, не испытавъ смерти, преложень на небо, ни пророка Іліи, который восхищенъ на небо, вмѣсто гроба, въ колесницѣ огненной; ближайшимъ образомъ Матери предшествовалъ чудный ея Сынъ, успеніе Богоматери было тоже, что тридневное воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа и вознесеніе Его на небо: это—тоже—чудо пророка Іоны, повторившееся на Матери, какъ исполнилось на Сынѣ!

Но вмѣстѣ съ симъ, какъ успеніе Божіей Матери было повтореніемъ воскресенія Христова; такъ оно есть примѣръ и образецъ блаженнаго успенія и всѣхъ вѣрующихъ во Христа и почитающихъ Божію Матерь, какъ Матерь всего рода христіанскаго. Наша смерть есть наше успеніе отъ жизни настоящей для жизни будущей. Соединенные съ источникомъ жизни, Іисусомъ Христомъ, мы полагаемся во гробъ когда умираемъ, чтобы пробудиться къ жизни будущей. И здѣсь тоже дивное чудо—начатокъ, во Христвъ почерпнутый, полагается въ гробъ и гробъ дѣлается лѣстницею къ небу. —

Какъ послѣ сего долженъ быть свѣтель и отраденъ взоръ на гробъ всякаго праведника, умирающаго для того, чтобы воскреснуть! И какъ для всякаго вѣрующаго долженъ быть торжественъ праздникъ Успенія Божіей Матери, въ которомъ онъ созерцаетъ собственное свое успеніе!—

Чего тебѣ, вѣрующій, бояться смерти?—Ты уничтожишься?—Но во всемъ мірѣ нѣтъ уничтоженія, какъ нѣтъ

смерти въ Богѣ, а ты живешь въ Богѣ. Тѣлесная природа твоя, точно, боится разрушенія, ибо создана для жизни; но ты не одно тѣло, а больше—ты бессмертный духъ; для чегожь живешь однимъ тѣломъ, если боишься его разрушенія, а не духомъ преимущественно, который не разрушимъ, которымъ ты одно съ Ангеломъ, которымъ ты подобенъ самому Богу, которымъ жить составляетъ высшее твое достоинство, благородство, богоподобіе?—Что же для тебя тѣло, которое, чѣмъ больше разрушается, тѣмъ меньше страдаетъ?

Ты боишься суда за гробомъ? Точно, за невѣріе и пороки безъ покаянія не обѣщается на судѣ помилованіе; но почему же ты не оградись отъ суда вѣрою и покаяніемъ, которыя обѣщаютъ тебѣ несомнѣнное помилованіе?—Христосъ для того и приходилъ, чтобы спасти не праведниковъ, а грѣшниковъ. Теперь Онъ стоитъ у гроба нашего съ тѣмъ же спасеніемъ; какъ бы ни были велики и многочислены грѣхи наши,—вѣруй въ Него и кайся Ему отъ всего сердца, и шагъ во гробъ будетъ для тебя шагомъ къ вѣчной жизни. —

Ты не убѣждаешься въ жизни послѣ смерти? Но будешь жить непременно, убѣждаешься или не убѣждаешься. Душа съ тѣломъ не умираетъ; и потому душою ты будешь жить и по смерти тѣла; но и самое тѣло твое не навѣки умретъ, а воскреснетъ. Душѣ одной, безъ тѣла, какъ бы скучно, ибо она одна не составляетъ полного человѣка; ей непременно должно воссоединиться съ своимъ тѣломъ, чтобы составить полного человѣка для жизни вѣчной.—Какъ же тебѣ не жить снова съ самымъ тѣломъ?—При томъ и Христосъ умиралъ и воскресъ и вознесся на небо и жеветъ донинѣ одесную Бога Отца, чтобы всегда о насъ у Него ходатайствовать:—невѣривъ въ свое воскресеніе, значитъ—не вѣривъ въ Христово воскресеніе, ибо на этомъ основана вся наша вѣра; и Божія Матерь умирала и чрезъ

нѣсколько дней восхищена тѣломъ на небо для жизни вѣчной, и для ходатайства о насъ предъ своимъ Сыномъ; не вѣрить въ ея воскресеніе, значить ложно праздновать Ея успеніе; а праздновать Ея успеніе по убѣжденію, значить — выражать вѣру въ собственное свое воскресеніе. — Да и что во всей видимой природѣ, которая вся ниже тебя, вѣрующей, умираетъ не для жизни и оживаетъ безъ смерти? Зерно не дастъ плода, если не умретъ.

Что наконецъ, все твое тѣло, котораго смерти ты такъ боишься? — Не болѣе, какъ одежда души для здѣшней жизни. — Но какъ эта одежда скоро у насъ ветшаетъ, изнашивается, дѣлается негодною для здѣшней жизни! Было бы не оплаканное несчастье, если бы тѣло наше не умирало, и намъ въ немъ надлежало бы жить вѣчно. — Но вотъ что говоритъ Апостоль Павелъ: въ гробъ мы не вовсе совлекаемся своего тѣла, а только пооблекаемся, т. е. перемѣняемъ только одинъ видъ тѣла на — другой, нынѣшнее изветшавшее и для жизни уже негодное тѣло на обновленное, тлѣнное на нетлѣнное, немощное на крѣпкое, грубое и дебѣлое на тонкое и свѣтлое, душевное, стихіями питаемое и стихіями же разрушаемое, на духовное, бессмертное, въ которомъ будемъжить какъ Ангелы. — Кто не пожелалъ бы себѣ такой прекрасной одежды? — А мы, по врожденному чувству первороднаго своего достоинства, любимъ рядиться; почему жъ не пожелать бы себѣ тѣла небеснаго, вмѣсто нынѣшняго, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, какъ и Апостоль желалъ скорѣе разрѣшиться отъ сего тѣла, что бы скорѣе быть со Христомъ, съ которымъ и не нельзя иначе сблизиться, какъ только въ тѣлѣ небесномъ, а не земномъ; ибо плоть и кровь не наследуютъ царствія Божія. —

Чтожъ теперь препятствуетъ всякому христіанину не только безъ боязни смотрѣть на свою смерть, но и желать ея? Развѣ одно маловѣріе и нераскаянность. Усугубимъ

же, братіе, и свою вѣру и свое покаяніе: тогда и для насъ гробъ будетъ желанною лѣствицею отъ земли къ небу, отъ смертной жизни къ жизни вѣчной. Съ тѣмъ вмѣстѣ усугубится въ насъ и чувство торжества въ честь успенія Божіей Матери. Аминь.

С Л О В О

на тотъ же день, въ Саровской пустынѣ, 1842 года.

Суціи въ тѣль семъ въздыхаемъ отлачаемъ: понеже не хоцемъ совлещися, но пооблещися, да пожерто будетъ мертвешное животомъ (2 Кор. 5, 4).

Предложимъ краткую бесѣду о смерти. Кому такой предметъ, мрачный, какъ обыкновенно говорятъ, покажется страннымъ и неприличнымъ для слова праздничнаго, тотъ вспомни, что предметъ самаго настоящаго праздника есть смерть, только переименованная успеніемъ. Ибо празднуемъ блаженную кончину преблагословенныя Богородицы; и называемъ ея кончину успеніемъ, потому что чрезъ смерть она, какъ чрезъ сонъ, перешла въ новую жизнь, жизнь лучшую, высшую, небесную. Какъ переходъ въ лучшую жизнь, кончина Божіей Матери и составляетъ для вѣрующихъ предметъ не сѣтованія, а праздника.— Но смерть и всякаго христіанина есть успеніе, переходъ изъ жизни многоболѣзненной въ жизнь блаженную; успеніе Божіей Матери есть первообразъ успенія христіанъ; а потому наша смерть не есть предметъ вовсе мрачный и печальный, и есть для настоящаго слова предметъ не только не страшный, но и весьма благоприличный.— Но что сказать вамъ о смерти?—Остановимся на томъ, почему смерть для насъ страшна и нельзя ли сдѣлать ее для себя менѣе страшною, если не вовсе безстрашною?—

Смерть сама въ себѣ и не можетъ не быть страшною:

Она есть наказаніе за грѣхъ; а никакое наказаніе не сладко и не привлекательно. — Но любовь Божія къ намъ такъ велика, что самое наказаніе растворила милостію; въ смерти сокрыла переходъ въ жизнь лучшую; наказуетъ, чтобы лучше помиловать. Указывая въ смерти наказаніе за грѣхъ, слово Божіе указываетъ въ ней нѣкоторое перерожденіе нашего тѣла, подобное тому, какое бываетъ съ зерномъ пшеницы, истлѣвающимъ въ землѣ для того, чтобы снова родиться. Сѣется, т. е. полагается во гробъ тѣло тлѣнное, немощное, безобразное, душевное, чтобы воскреснуть нетлѣннымъ, крѣпкимъ, славнымъ, духовнымъ. *Братіе*, писалъ Апостоль Павелъ, *не хочу васъ, не видѣти о умершихъ, да не скорбите, якоже и прочіи немощіи уповаія; аще бо вѣруемъ яко Иисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершій въ Иисусъ приведетъ съ Нимъ* (1 Солун. 4, 13—14). Проникнутый такою вѣрою и такимъ убѣжденіемъ будущаго воскресенія тѣла, Апостоль въ другомъ мѣстѣ говорить: *суціи въ тѣль семъ въздыхаемъ отягцаемы; понеже не хочеть совлещися, но пооблещися, да пожерто будетъ мертвенное животомъ*. Такъ Апостоль не только не боялся смерти, но еще въздыхалъ о ней, отягчаясь тѣломъ, предвидя въ смерти не совершенное совлеченіе тѣла, но только пооблеченіе въ новое, такъ что мертвенность настоящаго высшаго тѣла будетъ пожерта жизненностію тѣла новаго, будущаго. Потому-то онъ говорилъ: *дерзаемъ же и благоволимъ паче отгити отъ тѣла и внити ко Господу*. — Что же, послѣ сего, есть страшнаго въ смерти христіанина? И бояться смерти для христіанина не тоже ли значить, какъ не хотѣть сбросить съ себя одежду ветхую, безобразную, отвратительную, каково и бываетъ наше тѣло въ гробъ, и одѣться въ новую, великолѣпную, прекрасную, какимъ и будетъ наше тѣло по воскресеніи, по увѣренію Апостола, который сказалъ, что Христосъ по всемогуществу своему преобразитъ наше низкое тѣло въ тѣло слав-

ное, подобное собственному Его прославленному тѣлу?

Не смотря на сіе, мы, будучи христіанами, страшимся смерти, какъ ничего больше, страшимся какъ-бы не были христіанами. Отчего такой страхъ? Видно христіанство не раскрыло своей силы въ нашихъ душахъ; оттого мы не убѣждаемся въ истинѣ славнаго воскресенія нашихъ тѣлъ, отъ этого мы и боимся смерти тѣла. Впрочемъ причины нашей боязни смерти могутъ быть или въ настоящемъ, или въ будущемъ. Въ настоящемъ—это наша привязанность къ землѣ, или пристрастіе къ земнымъ благамъ! Кто прилѣпилъ сердце свое къ богатству, можетъ ли тотъ безъ страха встрѣтить смерть, которая оторветъ сердце его отъ земныхъ сокровищъ и низведетъ въ гробъ, такъ же нагимъ, какъ и выщелъ онъ изъ чрева своей матери? Кто пристрастился къ почестямъ, можетъ-ли безъ страха встрѣтить смерть, которая обнажитъ его отъ всѣхъ отличій, и обратитъ его въ прахъ и пепель? Кто привыкъ разливаться въ роскоши, можетъ-ли тотъ безъ страха встрѣтить смерть, которая самага его сдѣлаетъ отвратительною свѣдѣю червей? Кто бы какое къ землѣ ни имѣлъ пристрастіе, для всякаго смерть не можетъ быть не страшна; ибо всякій разрывъ для нашего сердца болѣзненъ, а потому и страшенъ. Въ будущемъ устрашаетъ человѣка судъ Божій. Въ настоящей жизни многіе грѣхи и многіе грѣшники остаются не наказанными, тогда какъ люди добродѣтельные и праведные подвергаются разнымъ несчастіямъ. Изъ такой ненаказанности грѣшниковъ, и изъ печальнаго жребія добродѣтельныхъ, вольнодумцы дерзаютъ увѣрять себя и другихъ, что судъ Божій есть только выдумка для устрашенія душъ слабыхъ; а на самомъ дѣлѣ нѣтъ суда будущаго, какъ нѣтъ настоящаго. Но истина суда Божія не только проповѣдуется намъ словомъ Божиимъ, но и глубоко скрывается въ совѣсти каждаго. При одной мысли о смерти сердце грѣшника уже трепещетъ;

ибо оно предчувствуетъ, что смерть переведетъ и постановитъ его на судъ, на которомъ каждому воздается по дѣламъ его. Можетъ ли посему, смерть не быть страшною для грѣшника, когда внутренняго убѣжденія его въ истинѣ суда Божія, за гробомъ его ожидающаго, ничто не можетъ поколебать, заглушить или уничтожить? Потому-то Псалмопѣвецъ и говоритъ вообще о грѣшникахъ, что *смерть ихъ люта* (Пс. 32, 22).

Какъ же сдѣлать, чтобы смерть была для насъ менѣе страшною? Перестать быть грѣшниками и сдѣлаться истинными христіанами.—

Дайте вѣрѣ христіанской наполнить вашу душу, и оттолѣ раскрытѣся въ добродѣтеляхъ Евангельскихъ: тогда ученіе о будущемъ воскресеніи и славѣ тѣла сдѣлается для васъ истинною очевидною, какъ бы осязательною; тогда сердце ваше будетъ имѣть сокровище свое не на землѣ, а на небеси, въ единомъ Богѣ; тогда за гробомъ будете представлять себѣ не судъ Божій, но вѣнцы, которыми Христосъ общаетъ увѣнчать подвиги вашего благочестія. Чего тебѣ страшиться смерти, переводящей тебя изъ сей жизни въ другую, когда ты еще въ тѣлѣ душой уже жилъ на небѣ, еще на землѣ воздыхалъ о небесномъ отечествѣ, повторяя съ Псалмопѣвцемъ: *увы мнѣ, яко пришестьствіе мое здѣсь на земли продолжися?* Чего тебѣ страшиться смерти, разлучающей тебя съ земными сокровищами, когда ты и въ сей жизни не прилѣпилъ къ нимъ своего сердца; обладалъ богатствомъ, какъ бы у тебя его не было, украшался отличіями какъ бы ихъ не имѣлъ, услаждался благами, какъ бы ихъ не вкушалъ, пренебрегши все ради небеснаго блаженства? Чего тебѣ страшиться смерти, поставляющей тебя предъ Судію—Бога, когда совѣсть твоя не обличаетъ тебя въ беззаконіяхъ, тобою не учиненныхъ, или покаяніемъ заглаженныхъ, а напротивъ радуется тебя добрыми твоими дѣлами, о Бозѣ содѣланными, такъ что ты

можешь съ дерзновеніемъ Павловымъ говорить о себѣ: *прочее соблюдается мнѣ вънецъ правды, егѡже воздастъ ми Господь въ день оный, праведный Судія* (2 Тим. 4, 8)? Такимъ образомъ праведники не только не страшились смерти, но всегда ее обносили въ своихъ мысляхъ, всегда имѣли предъ очами своими какой либо ея образъ или начертаніе, всегда томилась какимъ-то ненасытнымъ и нестерпимымъ желаніемъ разрѣшиться отъ тѣла и вѣйти ко Господу, взывая, какъ царь Давидъ: *имже образомъ желаетъ елень на источники водные; сице желаетъ и скончается душа моя къ Тебѣ, Боже. Когда прииду и явлюся лицу Твоему?*

Если жь смерть наша проникнута упованіемъ будущаго воскресенія и пооблеченія въ новое препрославленное тѣло; и если отъ насъ самихъ зависить сдѣлать для себя смерть свою страшною или безстрашною; если грѣхи дѣлають ее для насъ лютою, а добродѣтели—блаженною: то приложимъ все наше тщаніе убѣгать всякихъ грѣховъ, а если по слабости и впадемъ въ какой либо грѣхъ, не замедлимъ тотчасъ очистить его покаяніемъ, и напротивъ будемъ преспѣвать въ добродѣтеляхъ со дня на день, преспѣвая въ христіанскомъ благочестіи. *Богъ же мира возведый изъ мертвыхъ Иисуса Христа и давши намъ въ Немъ залогъ и нашего воскресенія, да совершитъ въ всякомъ днѣ блазнь, сотворити волю Его, творя всесовершенныхъ* (во всемъ), *и всесовершенъ вашъ духъ и души и тѣло не порочно въ пришествіи Господа нашего Иисуса Христа да сохранится.* Тогда смерть для каждаго изъ насъ не только не будетъ страшною, но и вождѣленною, тогда и мы, находясь въ тѣлѣ, будемъ воздыхать, отягчаясь тѣломъ, и желать пооблещись въ новое, да будетъ пожерто мертвенное животомъ. Аминь.

С Л О В О

въ день нерукотвореннаго Образа Господа нашего Иисуса Христа.

И сотвори Богъ человека, по образу Божию сотвори его. Быт. 1, 27.

Нерукотворенный образъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа приводитъ на мысль и другой образъ Божій, также или еще болѣе нерукотворенный. Исторія перваго должна быть вамъ извѣстна. По желанію благочестиваго Авгаря, князя Едесскаго, Господь, взявъ убрूसъ или платокъ, отеръ имъ свое лицо, и на убрूसѣ отпечатлѣлся Божественный ликъ Господа. Нерукотворенный былъ то образъ; ибо, хотя начертался не безъ содѣйствія рукъ Господнихъ, однакожъ и не рукою обыкновеннаго художника. Но есть другой образъ, Божій же, ибо отпечатлѣнъ Самимъ Богомъ и съ лица Божія, но еще болѣе нерукотворенный, ибо отпечатлѣнъ одною всемогущею, премудрою и всеблагою волею Божіею. Я говорю о томъ образѣ, по коему сотворенъ человекъ, и о коемъ записано: *и сотвори Богъ человека: по образу Божию сотвори его.*

Среди празднества въ честь перваго образа, считаю не неприличнымъ побесѣдовать съ вами, братіе, о послѣднемъ, который многимъ, можетъ быть, менѣе извѣстенъ, чѣмъ первый, но вѣрное понятіе о которомъ необходимо для нашего спасенія. Итакъ прошу вашего вниманія.

Да не помыслить кто либо, что образа Божія должны искать въ самомъ внѣшнемъ видѣ человекъ, какъ бы Богъ имѣлъ, также какъ и всякій изъ насъ имѣеть, внѣшній видъ и члены тѣла: руки, глаза, уши, ноги, хотя въ Св. Писаніи приписываются Богу и на Св. иконахъ изображаются подобныя члены. *Духъ есть Богъ*, сказалъ самъ Иисусъ Христосъ, одинъ изъ всѣхъ существъ видѣвшій

Бога лицомъ къ лицу, и знавшій Бога, какъ никто изъ самыхъ высшихъ Ангеловъ не знаетъ. Если жъ духъ есть Богъ: то, очевидно, у него тѣла нѣтъ, нѣтъ и членовъ тѣлесныхъ—ни рукъ, ни ногъ, ни глазъ, ни ушей. Священное Писаніе изображаетъ намъ Бога тѣлесно или человѣкообразно для того, чтобы лучше приблизить къ нашему разумѣнію возможное для насъ понятіе о Богѣ и подѣ тѣлесными членами внушаетъ намъ духовныя Божескія свойства, подѣ рукою—всемогущество, подѣ глазами—все-вѣдѣніе, подѣ ушами—вниманіе къ нашимъ молитвамъ, подѣ ногами—вездѣприсутствіе, а подѣ тѣлесностію вообще—дѣйствительность Его бытія.— Такъ разумѣли и такъ разумѣть насъ учать всѣ Св. Отцы церкви.

Въ чемъ же состоитъ образъ Божій, по коему созданъ человѣкъ? Въ составѣ человѣка, кромѣ тѣла, есть другая часть высшая, благороднѣйшая, превосходнѣйшая всѣхъ земныхъ тварей, и возвышающая человѣка надѣ тварями до самаго Бога: это разумно-свободная душа наша. Здѣсь-то собственно и должно искать образа и подобія Божія: именно въ духовности разумно-свободной души человѣка. Итакъ Богъ духъ есть; и человѣкъ по душѣ своей духовенъ; Богъ есть духъ разумный, и человѣческая душа разумна; Богъ есть духъ всесвободный, и человѣкъ одаренъ разумною свободою; Богъ есть духъ благій или вселюбящій и блаженнѣйшій, и человѣкъ имѣетъ сердце для разумной любви и для блаженства: вотъ первое подобіе между Богомъ и человѣкомъ, или все то же, слѣды образа Божія въ человѣкѣ; въ существѣ души человѣческой Богъ отражается, какъ бы нѣкое лицо въ картинѣ. Какое достоинство для человѣка—этотъ въ немъ образъ Божій! Какъ чрезъ это возвышается человѣкъ предѣ всѣми земными тварями, отражающими только всемогущество, премудрость и благость Божию, но не самое лицо или существо Бога! Какъ посему человѣкъ долженъ быть

внимателенъ къ душѣ своей, какъ цѣнить ее, какъ о ней заботиться, какъ вообще дорожить такимъ достоинствомъ своимъ, какъ постоянно стремиться къ Богу, чтобы не потерять своего съ Нимъ подобія! ибо для всякаго списка законъ — удерживать свое сходство съ подлинникомъ; иначе списокъ окажется во все негоднымъ.

Но разумно-свободная духовность человѣка есть только основаніе образа Божія, основаніе, правда, существенное, такъ что не можетъ отдѣлиться отъ существа человѣка и въ этомъ отношеніи образъ Божій въ человѣкѣ неотъемлемъ, какъ неотъемлемо самое его существо. Поелику же основаніе не есть еще домъ, а нужно воздвигнуть самое зданіе въ исполненіе плана: подобнымъ образомъ и въ человѣкѣ образъ Божій вполне раскрывается тогда, когда душа человѣческая со всѣми силами своими живетъ и дѣйствуетъ сообразно плану или волю Божіей о человѣкѣ. Такимъ образомъ Богъ, какъ духъ, существуетъ, живетъ и дѣйствуетъ духовно, и человѣкъ, какъ существо по душѣ духовное, можетъ и долженъ жить и дѣйствовать духовно, подчиняя всѣ тѣлесныя дѣйствія духу, а не духъ тѣлу; Богъ всевѣдущъ и любитъ одну истину; и человѣкъ для того имѣетъ умъ, чтобы знать, что ему знать должно, и любитъ всегда одну истину; гнушаться всякой лжи, не терпѣть никакихъ вымысловъ или басней; Богъ святъ и любитъ одну святость, ненавидитъ всякое беззаконіе; и человѣкъ для того и получилъ разумно-свободную волю, чтобы любить одну правду, добродѣтель, нравственность и отвращаться всякаго порока, грѣха, разврата. Богъ благъ, ибо всѣхъ тварей любитъ и всѣмъ желаетъ одного добра, и, вмѣстѣ, всеблаженъ, ибо вседоволенъ, ни въ чемъ не имѣетъ нужды, и всѣмъ имѣетъ право наслаждаться, увеселяться, блаженствовать; и человѣкъ для того и одаренъ разумнымъ сердцемъ, чтобы дышать одною любовію къ Богу и ближнимъ, и въ такой любви обрѣтать все свое

блаженство. Если человекъ такъ устроилъ себя: то въ немъ образъ Божій свѣтится въ всемъ своемъ блескѣ, силѣ и красотѣ, какъ образъ солнца отражается въ чистой водѣ.— Но понятно, что поколику такое устройство зависитъ уже отъ свободы человека, такъ что человекъ можетъ того захотѣть и не захотѣть; то образъ Божій, въ семъ отношеніи, можетъ въ человекѣ быть и не быть, свѣтиться и помрачаться, блистать и изгладиться, какъ человекъ захочетъ. Сколько-же человеку должно быть осторожну въ семъ дѣлѣ! Какъ ему строго смотрѣть должно за своею свободою, и за всѣмъ тѣмъ, что отъ нея можетъ увлекать ее!—Развѣ человекъ не подорожитъ такую драгоценностью, каковъ для него образъ Божій? Но это значило бы отказаться быть человекомъ, и въ видѣ человека ниспасть до скота безсловеснаго; ибо съ потерею образа Божія теряется все существенное достоинство человека.

Впрочемъ нѣкоторыя черты образа Божія отражаются даже и во внѣшнемъ видѣ человека.—Это прямой станъ человека, тогда какъ всѣ вообще животныя имѣютъ станъ, склоненный къ землѣ; это возвышенное чело человека, обращенное къ небу, и какъ бы съ неба взирающее на всю земную тварь; это гесь благородный видъ человека, отражающій какое-то величіе, и внушающій почтеніе всѣмъ тварямъ.—Въ самомъ организмѣ человека какъ бы лежитъ и оттуда просвѣчиваетъ мысль, что онъ царь всей земли. Въ самомъ дѣлѣ, Богъ для того какъ бы и творилъ человека, чтобы поставить его господиномъ надъ всею природою: ибо еще въ совѣтѣ Своемъ говорилъ: *сотворимъ человека по образу нашему и по подобію, и да обладаетъ рыбами морскими, птицами небесными, и скотами, и всею землею*, т. е. всею поднебесною тварию: Св. Златоустъ находитъ въ семъ обладаніи также образъ Божій въ человекѣ.— Какъ Богъ есть владыка всего, такъ и человекъ есть владыка земли, такъ что, по владычеству,

человѣкъ есть какъ бы Богъ для земныхъ тварей!— Не важно ли и это достоинство для человѣка, когда мы обыкновенно считаемъ важнымъ, когда кто владѣеть ничтожною частичкою земли?—Надобно, впрочемъ, замѣтить, что владычество надъ тварью есть уже какъ бы дополненіе, слѣдствіе и проявленіе первыхъ видовъ, а особенно втораго вида образа Божія въ человѣкѣ, такъ что если сего втораго вида не будетъ, то рухнетъ и владычество человѣка надъ тварію, потому именно, что въ такомъ случаѣ самъ человѣкъ ниспадетъ до скота: какъ же ему владычествовать безъ нравственнаго надъ ними превосходства? —

Любопытно знать теперь, свѣтился ли когда, на самомъ дѣлѣ, во всей своей лѣпотѣ и силѣ образъ Божій въ человѣкѣ?—Ибо если свѣтился, то ничего изъ тварей нельзя вообразить превосходнѣе, величественнѣе, прекраснѣе человѣка, въ такомъ состояніи. Итакъ, свѣтился ли? Свѣтился во всей полнотѣ въ первомъ человѣкѣ до паденія. Хотя бытописаніе не доставляетъ намъ полнаго и подробнаго о томъ сказанія: не смотря на то, оно даетъ намъ знать, что духовность въ первомъ человѣкѣ просіявала какъ бы сковозь самое его тѣло, и чрезъ то дѣлала его безсмертнымъ, какъ бы и оно было духовно, ибо до паденія и тѣло наше было безсмертно; грѣхъ уже ввелъ въ тѣло наше смерть; что умъ перваго человѣка былъ столько проницателенъ, что съ перваго взгляда узнавалъ природу животныхъ, въ первый разъ ему явившихся, и сообразно природѣ каждаго, давалъ каждому имя, утвержденное потомъ Самимъ Богомъ; что святость перваго человѣка была такъ велика, что Богъ удостоивалъ обращаться съ нимъ лицомъ къ лицу, какъ другъ съ другомъ, или лучше, какъ отецъ съ любимымъ сыномъ; что блаженство перваго человѣка было самое полное, ибо при неспорченности своихъ чувствъ онъ еще поселенъ былъ въ особомъ раю сладости, куда какъ бы самъ Богъ собралъ для него всевозможныя

удовольствія и наслажденія; что, наконецъ, обладаніе его надъ всею землею было полновластное, какъ обладаніе землею, наслѣдованною сыномъ отъ Отца, и все было ему покорно. — Но увы! не долго человѣкъ сохранилъ свое достоинство; не долго свѣтился въ немъ образъ Божій: — духъ зла дохнулъ на неопытнаго, и человѣкъ, по злоупотребленію свободы своей, испортилъ въ себѣ все, что могъ испортить, уронилъ и разбилъ въ себѣ образъ Божій, отъ коего едва остались нѣкіе обломки, и то потому только, что не во власти человѣка было вовсе сокрушить и уничтожить ихъ. Т. е. человѣкъ не могъ уничтожить въ себѣ самаго основанія образа Божія — духовности души и ея силъ, и духовность и силы остались: но въ какомъ положеніи? покрытыя помраченныя, подавленныя страстями, пороками, грѣхами. Могъ онъ отвратить умъ свой отъ истины, полюбивши ложь — и отвратилъ. Могъ онъ уклонить волю свою отъ воли Божіей, предавшись всякому разврату, — и уклонилъ. Могъ онъ въ сердцѣ своемъ погасить любовь къ Богу и къ ближнимъ, зажегши въ немъ вражду противъ Бога, злобу противъ ближняго, какую-то убійственную холодность даже противъ собственной своей участи, — и все это сдѣлалъ, даже до братоубійства, чему первый примѣръ открылся на первомъ сынѣ Адама, Каинѣ. Могъ онъ вовсе охладѣть къ наслажденіямъ благороднымъ, собственно достойнымъ человѣка, и ринуться въ удовольствія плотскія, скотамъ свойственныя, раскрывши чрезъ это самый адъ въ сердцѣ своемъ, созданномъ для наслажденій духовныхъ, и гиблющихъ отъ глада въ разливѣ чувственныхъ удовольствій; и это все онъ сдѣлалъ въ какомъ-то забытіи о самомъ себѣ. За такимъ нравственнымъ измѣненіемъ человѣка измѣлось отношеніе его къ подвластной ему природѣ. До грѣха покорная человѣку, по грѣхѣ природа возстала противъ грѣшника. Уже въ первыя минуты по паденіи открылась необходимость въ одеждѣ, чтобы укрыть человѣка отъ раз-

рушительнаго свирѣпства стихій. Съ человѣкомъ въ это время случилось тоже, какъ замѣтилъ одинъ изъ Отцевъ церкви, что иногда случается съ домохозяиномъ, къ которому домашніе псы ласкаются, пока видятъ его въ настоящемъ видѣ и образѣ; но когда онъ измѣняетъ одежду или очернить себѣ лицо, псы бросаются терзать его, какъ чужаго. Природа увидѣла человѣка безъ образа Божія и съ чужимъ образомъ, и возмутилась противъ него. Такъ отмщается потеря образа Божія.

Потомки Адамовы! Происходя отъ одного общаго родоначальника, мы всѣ имѣли бы въ себѣ образъ Божій, если бы самъ родоначальникъ нашъ сохранилъ и намъ передалъ его во всей цѣлости, полнотѣ и красотѣ. Но грѣшникъ и родилъ грѣшниковъ: всѣ мы въ праотцѣ нашемъ согрѣшили, всѣ раждаемся грѣшниками, всѣ потеряли образъ Божій, *все согрѣшиша и лишени суть славы Божій*, говоритъ Апостоль. Хотя же милосердый Богъ, тотчасъ по паденіи, указалъ средство къ возстановленію образа своего въ человѣкѣ; и это средство мы имѣемъ въ Иисусѣ Христѣ, Спасителѣ нашемъ, въ Его ученіи, въ Его примѣрѣ жизни, въ Его страданіяхъ и смерти, въ дарованной Имъ намъ благодати Св. Духа, въ установленной Имъ на землѣ Церкви, именно въ ученіи и учителяхъ, въ ея священнодѣйствіяхъ и священнослужителяхъ, въ ея правилахъ и пастьряхъ: однако жъ все въ волѣ человѣка остается воспользоваться всѣми сими Божественными средствами къ возстановленію въ насъ образа Божія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ нашему спасенію; ибо въ возстановленіи-то образа Божія въ насъ и состоитъ наше спасеніе, такъ какъ сокрушеніе сего же образа составляетъ нашу погибель, временную и вѣчную.

Цоразмыслимъ же, братіе, что намъ должно дѣлать! Взвѣсимъ на вѣсахъ безпристрастнаго суда—что лучше, быть ли образомъ Божиимъ, или образомъ діавола? Ибо одно изъ двухъ неизбежно: если грѣшникъ не возстановитъ

въ себѣ образа Божія, то, оставаясь грѣшникомъ, онъ непременно будетъ образомъ діавола. *Вы отца вашего, діавола есте, и похоти отца вашего, діавола хотите творити,* говоритъ Христосъ къ нераскаяннымъ грѣшникамъ. Тоже повторилъ и Іоаннъ Богословъ, говоря: *творяй грѣхъ отъ діавола есть, яко исперва діаволъ согрѣшаетъ* (Іоан. 8, 44). Т. е. всякій нераскаянный грѣшникъ также есть подобіе діавола, какъ и сынъ подобіе своего отца. Ужели жь, повторяю, лучше быть образомъ діавола, который есть первообразъ всего мрачнаго, отвратительнаго и гибельнаго, нежели образомъ Бога, коего совершенствамъ нѣтъ предѣла, мѣры и числа? Ужели лучше навсегда оставить духъ нашъ подъ мракомъ и тѣнномъ злыхъ страстей, унижающихъ человѣка до скота или—болѣе—до самаго діавола, нежели возвратитъ ему первобытное его благородство, возвышающее его до ангела, до самаго Бога? Ужели лучше уму нашему быть слѣпцомъ, увлекаясь всякою ложью, нежели быть зрячимъ, просвѣщаясь истиною? Ужели лучше воли нашей быть рабою страстей и грѣха, нежели властвовать и сіять святостію? Ужели лучше сердцу нашему раздираться враждою противъ Бога и ближнихъ, нежели блаженствовать въ пламенной любви къ нимъ? Ужели лучше человѣку быть жертвою многообразныхъ бѣдствій въ жизни временной, а потомъ вѣчныхъ мукъ въ жизни вѣчной, прошедши путь жизни сей, хотя подъ очистительнымъ крестомъ, но праведно, потомъ за гробомъ наследовать небесное блаженство въ царствіи Божіемъ? Ужели, еще повторяю, лучше быть образомъ діавола и съ тѣмъ все потерять и себя погубить, нежели образомъ Божіимъ, и съ тѣмъ все возвратитъ и себя самихъ спасти? Возстановленный образъ Божій возвратилъ бы къ намъ и полное обладаніе надъ всею природою, которая доселѣ враждуетъ противъ насъ, то пожигая огнемъ, то потопляя водою, то растерзывая звѣрями; возвратилъ бы, говорю, и мы творили

ли бы надъ природою все, чего хотѣли; иной бы разсѣкалъ море, какъ Боговидѣць Моусей; иной останавливалъ бы солнце, какъ Иисусъ Навинъ, иной сводилъ бы дождь съ неба, какъ пророкъ Илія; иной укрощалъ бы львовъ, какъ пророкъ Данилъ во рву, или Преподобный Герасимъ въ пустынѣ, иной цѣлилъ бы всякія болѣзни, какъ многіе святые. Ибо все сіи чудотворцы развѣ были не подобострастные намъ человѣки? Они развѣ только тѣмъ были отличны отъ насъ, что позаботились возстановить въ себѣ образъ Божій, а съ нимъ возвратить себѣ свое достоинство и силу надъ природою. Самъ Спаситель сказалъ: *аще имате спру, аще и горь сей речете, движися и верзися въ море, будетъ* (Мат. 21, 22). А живая вѣра: есть уже основа образа Божія, Спаситель же не могъ сказать неправды.

Позвольте же мнѣ, братіе, заключить и для васъ слово сіе увѣщаніемъ Апостольскимъ: *сіе глаголю и послушештеую о Господь... сложити вамъ по первому житію ветхаго чловька, тлющею въ похотьхъ прелесныхъ: обновляти-ся же духомъ ума вашего, и облещися въ новаго чловька, соуданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истинны* (Еф. 4, 17, 22—24). Подвигнемся симъ увѣщаніемъ Апостольскимъ; подорожимъ собственною нашею душою, которая драгоценнѣе всѣхъ сокровищъ міра; возвратимъ себѣ духовное благодородство, которое сдѣлаетъ насъ богоподобными; дадимъ въ умѣ нашемъ обитать и изъ него исходить одной истинѣ, которой ничего нѣтъ выше; покоримъ волю нашу волѣ Божіей и облечемся въ святость, коей ничего нѣтъ прекраснѣе; сохранимъ сердце наше отъ страстей и зажжемъ въ немъ любовь къ Богу и ближнимъ, что всего сладостнѣе и блаженнѣе; принудимъ самихъ себя къ блаженству намъ предназначенному, но достигаемому только возстановленіемъ въ насъ образа Божія; ибо дѣти только наслѣдники сего блаженства, и дѣтьми Божіими человѣки бываютъ, когда носятъ въ себѣ Его образъ. *Всѣ силы божест-*

вещныя, яже ко животу и благодетлю, дарованы намъ разумомъ Господа нашего Иисуса Христа; воспользуемся ими въ нашу пользу и спасеніе. Когда по благодети и при помощи Божіей совершится въ насъ требуемое. Апостоломъ преобразованіе изъ ветхаго человѣка въ новаго; тогда всякому и на всякомъ изъ насъ будетъ видно, что и въ началѣ Богъ сотворилъ и потомъ во Христѣ возсоздалъ чело-
вѣка, именно по образу своему и по подобію. *Да дастъ же Господь всемъ намъ по богатству славы своей силою утвердителя духомъ Его во внутреннемъ чело-
вѣцѣ, вселитися Христу въ серце наша,* и такимъ образомъ чрезъ Христа и во Христѣ возстановится въ насъ образу Божію во всей его полнотѣ, чистотѣ и красотѣ. Аминь.

ФИЛОСОФСІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

Ⓢ

БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГІИ

Огюста Школя.

VII.

ПЛОДЫ ХРИСТИАНСТВА.

2. Плоды христіанства въ отношеніи умственной.

Немощь ума чело-вѣческаго столько же очевидна, сколько бѣдственно состояніе его сердца. Эта немощь, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ о величій чело-вѣка, но величій надшемъ, которое онъ тщетно старается возвратить, отъ котораго, однакожъ, и отречься не можетъ. Стремленія всѣхъ его способностей даютъ ему знать, что не все оканчивается видимымъ, вещественнымъ міромъ, что есть міръ сверхчувственный, а немощь тѣхъ же самыхъ способностей оставляетъ его въ невѣденіи, какъ пред-

ставлять себѣ этотъ сверхчувственный міръ и что его тамъ ожидаетъ. Мучимый жаждою знанія, терзаемый безсиліемъ онаго, не имѣя возможности опочить ни на отрицаніи, ни на утвержденіи, увлекаемый истиною, томимый сомнѣніемъ, разумъ его оказывается гораздо уже, чѣмъ его инстинктъ; высшимъ его знаніемъ является *conscience*, что онъ ничего не знаетъ. Никогда болѣе глубокое слово не исходило съ устъ человѣка. Въ этомъ вопль безсилія высказывается и предчувствіе вещей, недовѣдомыхъ человѣку, и вмѣстѣ съ тѣмъ высота его назначенія.

За тѣснымъ кругомъ вещей, постигаемыхъ разумомъ, открывается для него необъятная область недовѣдомаго, гдѣ взоръ его теряется во мракъ, гдѣ онъ не можетъ различать предметовъ и гдѣ однакожь скрываются глубокія и важныя истины (*): онъ всматривается въ эту бездну, не можетъ оторвать отъ нея взора, потому что чувствуетъ, что здѣсь великія тайны, и однакожь ничего не можетъ распознать и уяснить для себя (**). Это область *taimstvennago*, которую всѣ мы носимъ въ себѣ. Здѣсь-то брали и доселѣ берутъ начало всѣ системы идеалистическія и теогоническія, непрестанная смѣна которыхъ образуетъ исторію философовъ, и которыхъ результаты такъ ничтожны.

(*) *Maius esse quiddam suspicata est, ac pulchrius, quod extra conspectum natura posuisset.* (Senec. *Quaest. nat.* I, Praej. (**): „Вопреки моей воли, вѣчность не даетъ мнѣ покоя. Я не могу помышлять о ней безъ страха и надежды; и чтобы тамъ ни говорили, мой умъ трепещетъ, видя ее предъ собою и нисколько не постигая. *Альфредъ де-Мюссе.*

Отсюда же берутъ начало все суевѣрія, все крайности и сумасбродства религіозныя, поочередно господствовавшія и породившія столько фанатиковъ и обманщиковъ. Отсюда, наконецъ, происходятъ въ жизни самыхъ холодныхъ людей паразительныя колебанія, внезапныя помѣшательства, мучительныя сомнѣнія, которыя заставляютъ ихъ дѣлать тысячу догадокъ и предположеній о своей будущей судьбѣ, безъ всякой надежды найти когда либо удовлетворительное рѣшеніе страшнымъ вопросамъ, осаждающимъ душу; ибо, что бы тамъ ни говорили, нельзя спокойно заснуть на краю такой бездны; это вулканъ, непрестанно дымящійся.

Этой-то великой потребности души человеческой вполне удовлетворила Вѣра Христова, лишь только появилась въ мірѣ; надъ этою-то бездною она переброзила прочный мостъ. Но, какъ обыкновенно бываетъ, это великое благодѣяніе скоро привело въ забвеніе самую нужду, вызвавшую его, потому самому, что оно съ преизбыткомъ удовлетворяло ей; и нынѣ не рѣдкость встрѣтить людей, кои мечтаютъ обойтись безъ помощи вѣры, кои утверждаютъ, что они ничего не принимаютъ на вѣру, стоятъ на твердой почвѣ разума. Но это — великое самообольщеніе. Невѣріе, въ безусловномъ смыслѣ, существуетъ только на словахъ; на самомъ дѣлѣ никогда не было *вовсе не вѣрующихъ*. Объяснимся.

Конечно, если подъ невѣрующими разумѣть людей, отвергающихъ догматы христіанской религіи, таковыхъ было и донинѣ есть весьма много, хотя едва ли есть между нами такіе, которые бы исторгли изъ своей души все христіанскія по-

пнтія. Всѣ тѣ, которые кажутся и сами себя считаютъ невѣрующими, въ этомъ относительномъ смыслѣ, не всегда таковы на самомъ дѣлѣ. Большая часть изъ нихъ похожа на людей, которые боятся ночью и идутъ распѣвая, чтобы ободрить себя, но лишь только коснется ихъ внезапная опасность, эти мнимые храбрецы совершенно теряются, вѣрятъ больше чѣмъ нужно, и часто ихъ вовсе нельзя привести въ нормальное состояніе. Что касается до людей, рѣшительно *невѣрующахъ*, т. е. вполне отвергающихъ христіанство, можно ли назвать ихъ вообще невѣрующими, *чужды ли всякаго легковѣрія?* Нисколько; ибо, говоря словами Боссюэта, и нелѣпости, въ которыя они впадаютъ, отвергая религію, несравненно болѣе невѣроятны и неудобоказуемы, чѣмъ истины, коихъ высота ихъ изумляетъ: не желая вѣрить непостижимымъ тайнамъ, они принимаютъ на вѣру, одно за другимъ, непостижимѣйшія заблужденія». (*) Нечестіе не можетъ отвергнуть ни одного члена христіанской вѣры безъ того, чтобы не поставить на мѣсто его какого либо мнѣнія, въ тысячу разъ болѣе невѣроятнаго, чтобы не замѣнить нелѣпостію непостижимости. Деисты, атеисты, матеріалисты не вѣрятъ въ Иисуса Христа, въ Бога, въ духовный міръ, но чтобы обосновать свое невѣріе, они вынуждены бываютъ признавать вѣрованія противоположныя, кои оскорбляютъ и возмущаютъ здравый смыслъ самаго простаго христіанина, на котораго они обыкновенно смотрятъ съ презрительною жалостію, незамѣчая, что сами они во сто кратъ жалче его. Напримѣръ, они вѣрятъ, яко бы міръ самъ собою образовался, допускаютъ, что *измѣняющіяся и непре-*

(*) Oraison funebre d' Anne de Gonzague.

тѣнно умирающія, вещи сами по себѣ существуютъ отъ вѣчности, что порядокъ, цѣлесообразность, мудрое устройство міра есть дѣло простаго случая (значить, случай играетъ у нихъ роль верховнаго разума), что круговращеніе и взаимное случайное сцѣпленіе атомовъ произвели всю систему міровъ, весь этотъ чудный механизмъ вселенной, что тѣже самыя круговращенія не разрушаютъ своего произведенія, напротивъ поддерживаютъ его въ изумительномъ порядкѣ, что матерія сама по себѣ обладаетъ и силою движенія и чувствомъ, и волею, и разумомъ, и сознаниемъ, что историческіе факты изъ жизни Іисуса Христа и 12 Апостоловъ никогда не существовали на самомъ дѣлѣ, и что начальная исторія христіанства есть не болѣе, какъ мифологическая аллегорія, въ которой хотѣли только олицетворить культъ солнца и луны и 12 знаковъ зодіака, и т. д. Все, что только есть дикаго, страннаго, нелѣпо сумасброднаго, всему этому *невѣрующій* вѣрить, обязанъ вѣрить; *вѣрующій*, напротивъ, не вѣритъ этимъ нелѣпостямъ, потому что не можетъ вѣрить имъ, потому что его разумъ оскорбляется ими, потому что онъ есть вѣрующій. «Прекрасное было бы сочиненіе, говорить Агюссо если бы кто взялъ на себя трудъ доказать, что гораздо труднѣе не вѣрить, чѣмъ вѣрить» (*). Вотъ почему одинъ изъ замѣчатель-

(*) Lettes sur divers sujets, t. XVI, p. 76. Самъ Вольтеръ такъ выражается о невѣрціи и вѣрѣ христіанской: „удѣлъ ихъ, въ самомъ дѣлѣ, не одинаковъ, потому что свойство невѣрціи вѣрить всему, что только есть невѣроятнаго, противорѣчиваго и невозможнаго, вѣрить тому, чего не понимаешь, не опираясь при семъ ни на какой авторитетъ. Напротивъ покорять свой

нѣйшихъ умовъ, Антоній де-Фюссаль, изучившій все философія системы, пришелъ къ такому, какъ нельзя болѣе вѣрному, заключенію: «не нахожу ничего лучше, какъ вѣровать въ Иисуса Христа». Правда, невѣрующіе имѣютъ на своей сторонѣ преимущество, состоящее въ томъ, что они могутъ мѣнять системы; но это значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ мѣнять одну нелѣпость на другую; не отказываясь отъ правъ своего разума, они не могутъ не вѣрить въ какую либо систему, и перебѣгая отъ одной къ другой, довѣряютъ всею имъ, и потому вполне оправдываютъ приговоръ Паскаля: невѣрующіе—это люди самые легковѣрные,—приговоръ, который напоминаетъ отзывъ Сенеки: *philosophi, credulatio* (Quaest. nat. VI, 25).

Что касается до насъ, то, говоря словами Тертуліана, «мы не нуждаемся ни въ дерзновенномъ любопытствѣ послѣ Иисуса Христа, ни въ изысканіяхъ послѣ Евангелія. Вѣруя имъ, мы не хотимъ ничему другому вѣрить; думаемъ даже, что и нечему больше вѣрить» (*). Слова сіи напоминаютъ намъ изреченіе Жуберта: «Религія запрещаетъ вѣрить выше того, чему она учитъ» (**), и слѣдующій от-

разумъ вѣрѣ не вслѣдствіе слѣпаго легковѣрія, а вслѣдствіе послушанія, одобряемаго самимъ разумомъ— вотъ въ чемъ состоитъ вѣра христіанская (*Raison du christianisme, au mot Aveux.*)

(*) Praescrip. Haeret. c. VIII.

(**) Joubert, Pensées, Essais et Maximes, t. 1 p. 117. Великая разность, говоритъ онъ, между легковѣріемъ и вѣрою; первое есть недостатокъ, порокъ; послѣдняя—добродѣтель; первое происходитъ отъ крайней нашей немощи, послѣдняя имѣетъ своимъ началомъ кроткое и похвальное послушаніе, которое служитъ признакомъ силы, а не безсилія духовнаго.

звѣвъ Порталиса, который возвращаетъ насъ къ тому пункту, съ котораго мы начали наше размышленіе: «вѣра дѣлаетъ не болѣе того, какъ занимаетъ то мѣсто, которое разумъ оставляетъ пустымъ, и которое воображеніе, безспорно, наполнило бы чѣмъ нибудь худымъ и нелѣпымъ (*).

Но этого мало. Отъявленные невѣры не ограничиваются такого рода легковѣріемъ, такъ сказать, необходимымъ для самаго ихъ невѣрія; они почти всегда вдаются въ произвольныя суевѣрія, до крайности смѣшныя, грубыя и нелѣпыя. Опытномъ дознано, что къ числу тѣхъ, кои наиболѣе вѣрятъ въ волшебство, магію, колдовство и т. п., принадлежать именно люди, открыто и горделиво возстающіе противъ истинъ вѣры. Сколько между невѣрующими такихъ, которые, не вѣря въ Бога, вѣрятъ въ діавола, которые строго соблюдаютъ суевѣрные обычаи, пустые и безсмысленные, тогда какъ презираютъ и отвергаютъ самыя святыя и благородныя дѣла и подвиги благочестія. Юліанъ, этотъ философъ на тронѣ, не былъ ли суевѣрнѣйшимъ изъ людей своего времени? Невѣрующіе среднихъ вѣковъ, Карданъ, Помпонасъ, Бодень развѣ не вдавались въ самыя суевѣрные обычаи, не раздѣляли самыхъ безсмысленныхъ вѣрованій? И пресловутый 18 вѣкъ, этотъ вѣкъ невѣрія по преимуществу, развѣ онъ не былъ игралицемъ шарлатановъ, не вдавался, очертя голову, въ самыя постыдныя сумасбродства? «Правиломъ этого вѣка, говоритъ историкъ его, Лакретель, кажется, было такое правило: *нужно вѣрить всему, исключая того, чему вѣрили наши отцы*» (**).

(*) Portalis, Discours sur le Concordat.

(**) Lacretelle, histoire de dix huitième siècle, t. 17, p.

лись бы отъ изумленія и ужаса, если бы предъ нами раскрыли все, что совершалось въ глубокой тайнѣ, въ подземельяхъ, въ этотъ вѣкъ *ума и просвѣщенія*. «За нѣсколько лѣтъ до Французской революціи, говоритъ Порталисъ, одинъ изъ хранителей національной библіотеки говорилъ мнѣ, что съ нѣкотораго времени наибольшая часть посѣтителей, приходившихъ для обогащенія себя свѣденіями въ этомъ обширномъ книгохранилищѣ, спрашивали только книги по части волшебства и кабалеттики. Ученый Рубе, бывший публичнымъ библіотекаремъ въ Лионѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей несчастной кончины, послѣдовавшей въ 1793 году, показывалъ мнѣ протоколъ, содержащій подробности дѣла, съ удостовѣреніемъ свидѣтелей, о гнусныхъ мистеріяхъ, совершавшихся періодически во время ночныхъ собраній: мистеріи сіи гораздо отвратительнѣе всѣхъ тѣхъ, о которыхъ память сохранилась для насъ въ исторіи самыхъ грубыхъ и постыдныхъ формъ язычества» (*).

Если мы нынѣ мало встрѣчаемъ такихъ до-топлачевныхъ заблужденій ума человѣческаго, то это потому, что духъ нашего времени мало благопріятствуетъ невѣрію. Нынѣ мало невѣрующихъ (**); есть только индифферентисты, люди равнодушные къ вѣрѣ, да и ихъ число со дня на день уменьшается, христіанская вѣра пользуется уваженіемъ. Сіе-то и спасаетъ насъ отъ постыдныхъ примѣровъ суевѣрія, спасаетъ отъ него и самихъ враговъ нашей вѣры. Вокругъ ихъ образуется нѣкій

(*) Portalis, De l'usage et de l'abus de l'esprit philosophique, t. II. p. 171.—

(**) Писано въ 50-хъ городахъ.

общій духъ: онъ властвуетъ надъ ними вопреки ихъ волѣ, дѣйствуетъ на извѣстномъ разстояніи отъ центра, подобно закону тяготѣнія, заправляетъ до извѣстной степени ихъ мыслями и дѣйствіями. А если бы возможно было совсѣмъ устранить изъ міра вѣрованія христіанскія, умъ человѣческій тотчасъ вдалека бы въ самыя унижительныя и возмутительныя суевѣрія, такъ что и самыя крѣпкіе умы, наиболѣе способные къ самооблаженію, не могли бы считать себя безонасными отъ этой духовной заразы, если бы она распространилась вокругъ ихъ. Ибо то пустое пространство, о которомъ мы говорили выше, начинающееся тамъ, гдѣ оканчиваются наши естественныя познанія, и простирающееся до той неопредѣлимой черты, куда достигаютъ наши созерцанія и инстинктивнымъ стремленія, это пространство должно быть чѣмъ нибудь наполнено, эта нужда таинственная должна быть такъ или иначе удовлетворена, отнимите у души разумную вѣру, она опростетью ринется въ бездну суевѣрія. Вотъ почему, какъ бы ни были худы языческія религіи, все-таки это было лучше, чѣмъ отсутствіе всякой религіи: онѣ служили сдержкою, составляли препопу на безпредѣльномъ скатѣ въ пучину суевѣрія и всяческаго сумасбродства (*). Вотъ почему Хрис-

(*) „ Не положительныя религіи пораждаютъ суевѣріе, напротивъ предохраняютъ отъ него: не будь религіозныхъ ученій, учрежденій и обрядовъ, не было бы никакого оплота противъ легковѣрія, суевѣрія и шарлатанства. Людямъ вообще необходимо во что нибудь вѣровать, что бы не быть легковѣрными; для нихъ нуженъ извѣстнаго рода культъ, чтобы избѣгать суевѣрія.“ (Portalis, Discours sur le Concordat).

тіанская Вѣра, которая не только предохраняетъ насъ отъ заблужденія, но указываетъ намъ *путь, истину и живость*, есть величайшее благо для ума, наилучшій даръ неба; ее по всей справедливости слѣдуетъ назвать *охраною* разума (*).

Полагаемъ, что читатели не менѣе насъ заинтересованы истиною, которую мы стараемся утвердить въ настоящее время. Они позволяютъ намъ подтвердить ее еще двумя важными авторитетами. Знаменитый Буркъ, публицистъ, отличавшійся умомъ сколько живымъ, столько же и практическимъ, въ изданной имъ книгѣ о Французской революціи, во время самаго сильнаго ея разгара, чтобы предохранить Англію, свое отечество, куда залетали искры отъ всепожирющаго пламени этого волкана, написалъ слѣдующія замѣчательныя строки: «мы знаемъ, и гордимся этимъ знаніемъ, что человекъ, по самому устройству своей природы, есть существо религіозное, что безбожіе не только противно нашему разуму, но даже

(*) „Кто можетъ чувствовать это сильнѣе, сознавать яснѣе, какъ не мы?—говоритъ Монтань; ибо, хотя мы дали ему (разуму) твердыя и незыблемыя начала, хотя мы освѣтили его пути свѣтильникомъ истины, благоволиительно дорованнымъ самимъ Богомъ, мы видимъ, однакожь, ежедневно, лишь только собьется онъ съ обычной стези, лишь только уклонится съ пути, начертаннаго и проложеннаго Церковію, какъ тотчасъ терается, запутывается, кружась и вляясь въ этомъ обширномъ, бурномъ, волнуемомъ морѣ человеческихъ мнѣній, безъ кормила и безъ цѣли; какъ только онъ оставляетъ эту великую и общую дорогу, тотчасъ раздробляется и разсыпается по тысячѣ мелкихъ тропинокъ (Essais, liv. XXXI. ch. XII.)“

нашему инстинкту, что оно не может поему держаться долгое время. И еслибы въ минуту необузданнаго разгула, въ безумномъ упоеніи духомъ вольномыслія и разрушенія, который, исторгнувшись какъ бы изъ преисподнихъ ада, дѣйствуетъ теперь съ такою яростію во Франціи, еслибы, говорю, мы свергли благое иго Вѣры Христіанской, которая доселѣ составляла нашу славу и наше утѣшеніе, которая у насъ, какъ и у другихъ многихъ народовъ, легла въ основу гражданственности: то, по всей справедливости, слѣдовало бы намъ опасаться, какъ бы какое нибудь суевѣріе, глубокое, погибельное и унижительное не заняло ея мѣста; ибо мы очень хорошо знаемъ, что духъ человѣческій не терпитъ пустоты» (*).

Не менѣе замѣчательно второе свидѣтельство; а обстоятельства, при которыхъ оно дано, придаютъ ему особенное значеніе. Сообщающій намъ это свидѣтельство, де-Фонтань, самъ человѣкъ отличнаго ума, передаетъ его въ такихъ выраженіяхъ, кои показываютъ, какъ онъ высоко цѣнилъ его. Стоитъ передать его здѣсь обстоятельно.

«Въ 1787 году, говоритъ онъ, я былъ въ Женевѣ; сильно хотѣлось мнѣ увидать знаменитаго Боппета, ученика Локка, предшественника Кондильяка, автора *Аналитическаго опыта о способностяхъ души и Наблюденій надъ органическими тѣлами*; я засталъ его въ собственномъ его домѣ, расположенномъ въ прелестномъ и величественномъ мѣстоположеніи, на берегу озера, между вершинами Альпъ и Юры. Сначала онъ съ удивлені-

(*) Reflexions sur revolution de France, par Edmond Burke, p. 169.

емъ говорилъ объ аббатѣ de l' Erée, котораго славу пожалъ г. Сикаръ, усовершенствовавъ его открытіе. Затѣмъ показалъ мнѣ нѣсколько отрывковъ изъ корреспонденціи своей съ ученымъ Моисеемъ, Берлинскимъ Иудеемъ, который принадлежитъ къ классу утонченнѣйшихъ метафизиковъ сего вѣка. Наконецъ разговоръ коснулся иллюминатовъ. Онъ не скрылъ отъ меня, что въ Швейцаріи даже знаменитѣйшіе люди увлеклись этою сумасбродною сектою. Я осмѣлился спросить его о причинѣ такого явленія. Отвѣтъ его почти буквально былъ таковъ.

«Новѣйшая философія, сказалъ онъ мнѣ, поколебала основы всѣхъ религіозныхъ вѣрованій. Умъ человѣческій, безразсудно отторгнутый отъ тѣхъ понятій и идей, кои служили ему точкою опоры въ теченіе столь многихъ вѣковъ, не знаетъ теперь, за что ему взяться, съ чего начать и на чемъ остановиться. Отсутствие религіи оставляетъ неизмѣримую пустоту въ мысляхъ и сердечныхъ привязанностяхъ человѣка; и человѣкъ, всегда способный вдаваться въ крайности, наполняетъ эту пустоту опасными призраками, стараясь замѣнить ими дивныя тайны и откровенія христіанства, полныя мудрости и утѣшенія, и такъ полно удовлетворяющія кореннымъ потребностямъ души. Такимъ образомъ человѣкъ, отвергая вѣру, тѣмъ съ большею легкостію низвергается въ бездну суевѣрія: пока онъ не дойдетъ до совершеннаго безбожія, онъ будетъ носить въ себѣ потребность и жажду религіозныхъ идей, потребность, составляющую существенную принадлежность нашей природы, служащую источникомъ или нашего блага, или нашего несчастія; онъ злоупотребитъ своимъ собст-

венными познаніями, станеть примѣшивать къ нимъ чудовищныя грезы большаго воображенія; онъ обоготворитъ животворныя силы и могучія явленія природы, низпадетъ во все мерзости и крайности многобожія; однимъ словомъ, онъ будетъ вѣрить всему, пока не скажетъ въ горделивомъ самозабвеніи, что ничему болѣе не вѣрить. Пора бы истинной философіи, для своего собственнаго блага, сблизиться съ Религіею, на которую она досель смотрѣла съ пренебреженіемъ; одна Религія можетъ дать и широкій просторъ и вѣрное направленіе всемъ движеніямъ нашего сердца. Нужно дать здоровую пищу воображенію человѣческому, иначе оно будетъ питаться ядомъ и отравлять жизнь человѣчества. Таковы были разсужденія Боннета, продолжаетъ Фонтанъ. Признаюсь, въ то время, какъ я ихъ слушала, она произвели на меня не очень сильное впечатлѣніе, но послѣ возобновились въ моей памяти и не выходятъ изъ ума. Представляю ихъ на судъ образованныхъ людей».

Изъвсѣхъ этихъ размышленій и изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, столь ясныхъ, сильныхъ и убѣдительныхъ, вытекаетъ та непреложная истина, что кромѣ вещей, постигаемыхъ умомъ, есть еще предметы, къ коимъ душа *стремится съ непреодолимою жаждою*, что есть въ ней способность спеціально религіозная, способность къ воспріятію таинственнаго, которая столько же естественна и существенна человѣку, какъ память, воображеніе, разсудокъ, воля. Тѣ люди, которые отвергаютъ христіанскія вѣрованія, не лишаются чрезъ то сей способности; они вынуждаютъ только ее бросаться на гнилую, злокачественную пищу. Допустимъ, что нѣкоторые изъ нихъ могутъ дойти до того,

что совѣтъ заглушаютъ въ себѣ эту способность, считая при этомъ себя болѣе мудрыми; на самомъ дѣлѣ они стали болѣе ограниченными: имъ недостаетъ одного чувства, чувства Безконечнаго, чувства Божества. По неопредѣленности и естественной немощи этой способности человѣкъ ниже Ангела; но если онъ совѣтъ лишается ея, то становится ниже человѣка (*). Печина сія завѣрится непрерываемымъ свидѣтельствомъ историческаго опыта. Если человѣкъ есть существо *разумное*, то поему самому онъ есть существо *религіозное*.

Какой отсюда выводъ, какъ не тотъ, что тотъ-же Господь Богъ, Который премудро устроилъ всѣ наши силы и способности, указавъ каждой изъ нихъ предметъ для дѣятельности, долженъ былъ дать предметъ и для этой религіозной способности, предметъ, который бы удовлетворялъ ее, предохраняя отъ уклоненій въ сторону? Когда мы видимъ особенно, что, предоставленная самой себя, она низвергаетъ человѣка въ бездонную пропасть суевѣрія и вноситъ смуту и разстройство въ нравственный его бытъ, то по необходимости должны вѣрить, что должно же быть для нея нормальное состояніе порядка, удовлетворенія, правильнаго развитія, такое состояніе, которое предохраняетъ ее отъ этихъ прискорбныхъ наслажденій и вѣрно направляетъ къ цѣли. И за тѣмъ, когда мы изъ

(*) „Что же такое этотъ міръ, и что намъ въ немъ дѣлать, если необходимо отказаться отъ неба, чтобы жить здѣсь спокойно? Проводить жизнь, подобно животному, приковать взоръ и все вниманіе къ землѣ, отвергая все прочее означитъ ли это быть счастливымъ? Нѣтъ, это значитъ перестать быть человѣкомъ“. Слова Алфреда де-Мюссо.

всѣхъ религій только въ ученіи І. Христа и въ привязанности души къ сему ученію находимъ этотъ результатъ порядка, удовлетворенія и правительнаго религіознаго развитія, когда мы видимъ, что прочія религій могли только наружно прикрывать или нѣсколько задерживать разстройство этой религіозной способности и одна только Вѣра Христова оказываетъ на нее вполне благотворное дѣйствіе: то не должны ли мы въ этомъ великомъ благодѣяніи благодарно признавать и благоговѣнно почитать ту же всемогущую и всеблагую Десницу, которая сотворила нашу душу? Ибо кто иной возмѣгъ бы, посреди столькихъ опасностей, такъ хорошо направить ее къ ея истинной цѣли?

II. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ сей истинѣ, войдемъ въ болѣе подробное изслѣдованіе объ отношеніи христіанской вѣры къ нашей душѣ, и въ частности къ нашему разуму.

Одно христіанство удовлетворяетъ религіозной способности нашей души достойнымъ образомъ, и въ возможной полнотѣ, безъ ущерба и униженія другихъ способностей, безъ стѣсненія и ограниченія разума, напротивъ, оно и ему предоставляетъ долю участія въ этомъ удовлетвореніи, утверждая его въ собственныхъ его догадкахъ и предположеніяхъ, развивая и увеличивая собственныя его силы. II, во I-хъ, оно не стѣсняетъ разума, не посягаетъ на его собственность. Оно не отнимаетъ у него ничего изъ круга тѣхъ вещей, кои онъ можетъ познавать самъ собою; оно предоставляетъ ему свободно двигаться въ области его естественныхъ познаній. Оно не захватываетъ ничего въ принадлежащей ему сферѣ. Его ученіе начинается тамъ, гдѣ знаніе разума оканчивается, гдѣ его

взоръ встрѣчаетъ непроглядную тьму, блуждаетъ, теряется. Тутъ приходитъ къ нему на помощь вѣра. И она требуетъ отъ него, собственно говоря, не подчиненія, потому что, дошедши до сего предѣла, разумъ ничѣмъ не жертвуетъ, какъ только своимъ безсиліемъ; она требуетъ отъ него только сочувствія, признанія, предлагаетъ ему союзъ, въ которомъ онъ все можетъ пріобрѣсть и нечего не терять. Мало того, вѣра не хочетъ стоять подлѣ разума, какъ нѣчто внѣшнее и чужое для него; она хочетъ войти съ нимъ во внутреннее, пріискреннее общеніе. Христіанство есть единственная Религія, которая опирается на доказательствахъ. Прежде чѣмъ требовать вѣры въ свои тайны, оно предлагаетъ разуму изслѣдовать тѣ основы и данныя, на которыхъ утверждается, и уже послѣ того какъ онъ, въ силу своихъ законовъ, признаетъ ихъ прочность и божественное происхожденіе, оно требуетъ вѣры своему ученію и заявленія сей вѣры на дѣлѣ; все, значить, совершается путемъ логики, т. е. путемъ разума. Внешнія доказательства, на коихъ опирается вѣра, такую имѣютъ силу и убѣдительность, что разумъ никоньмъ образомъ не можетъ отвергнуть ихъ, не измѣняя своей собственной природѣ. Одна Христіанская Религія поступаетъ такъ снисходительно въ отношеніи къ разуму; она щадитъ разумъ, требуетъ отъ него только того, въ чемъ онъ не можетъ отказать, не противорѣча законамъ логики. Нельзя не видѣть въ семъ рѣшительнаго признака ея истинности. Не стѣсняя разума въ собственно принадлежащей ему области, вѣра, во 2-хъ, предохраняетъ его отъ ошибокъ и увлеченій и утверждаетъ въ нѣкоторыхъ догадкахъ и предположеніяхъ. Дошед-

ни до того пункта, съ котораго начинается уже область вѣры, разумъ не только не можетъ здѣсь ничего постигнуть и пріобрѣсть твердаго, но истощается въ бесплодныхъ усиліяхъ перенагнуть заповѣдную границу и подвергается опасности низринуться въ бездну. Тысячи системъ, одна другой неосновательнѣе, тысячи гипотезъ одна другой неправдоподобнѣе осаждаютъ его, и, нимало не удовлетворяя, повергаютъ въ мучительное сомнѣніе и въ гибельныя заблужденія. Вѣра избавляетъ его отъ этой тиранніи, снимаетъ съ него это тяжелое ярмо, подъ которымъ онъ падаетъ на каждомъ шагу, и въ замѣнъ того налагаетъ на него легкую узду, которая, несколько не стѣсняя его, направляетъ его полетъ въ область свѣта. Она, да-дѣе, завѣряетъ для него и обезпечиваетъ за нимъ собственныя его пріобрѣтенія. Извѣстно, что есть не малое число истинъ, имѣющихъ существенное значеніе для разума, кои лежатъ, такъ сказать, на границѣ между областію знанія и областію вѣры, въ коихъ разумъ, самъ по себѣ, не можетъ убѣдиться съ непоколебимою увѣренностію, хотя стремится къ нимъ до изнеможенія. Таковы истины о бытіи Бога, Его единствѣ, промыслѣ, Его существенныхъ свойствахъ, о духовности души, ея свободѣ, отвѣтственности за свои дѣла, безсмертіи, о будущихъ наградахъ и наказаніяхъ и т. д.,—истины, составъ коихъ образуетъ, такъ называемое, естественное Богословіе. Можно сказать, что это истины разума, потому что разумъ видитъ настоятельныя побужденія и твердыя основанія къ признанію ихъ, какъ это мы видѣли въ самомъ началѣ нашихъ *испытаній*; но съ другой стороны, справедливость требуетъ сказать, что эти истины не вполне для

него ясны, что онъ не можетъ объять ихъ со всѣхъ сторонъ; потому-то онъ составляютъ предметъ споровъ и джетолкованій, иными рѣшительно отрицаются или израцаются въ опасныя заблужденія.

Чтобы правильно судить объ отношеніи къ этимъ истинамъ ума человѣческаго въ его естественномъ состояніи, нужно припомнить, что сдѣлалъ изъ нихъ языческій міръ. Для большинства людей онъ совершенно исчезли во тьмѣ многобожія и если у некоторыхъ философовъ удержались въ памяти и сознаніи, то казались, по словамъ Сократа, *грезями толмачанной старухи*, или, какъ говорятъ еще Цицеронъ и Сенека, онъ составляли *больше предметъ чаянія, желанія, чѣмъ твердой увѣренности* (*). Да и въ какомъ хаосѣ системъ, нелѣпныхъ и сумасбродныхъ, были погребены эти истины, какимъ мусоромъ и грязью были загромождены! Христіанство вызвало эти истины на свѣтъ Божій, возстановило ихъ во всей чистотѣ и взаимной гармоніи, сообщило имъ популярность и исключаящую всякое сомнѣніе достовѣрность. Оно возвело ихъ на такую степень ясности и вѣстѣ возвышенности, о какой дотолѣ не мечтала философія въ самыхъ смѣлыхъ и выспеннихъ своихъ порывахъ; затѣмъ, приблизило ихъ къ общему разумѣнію всего народа, и, наложивъ на нихъ санкцію Божественнаго авторитета, оградило ихъ навсегда отъ всякаго искаженія и отрицанія. «Человѣку

(*) *Somnia sunt non docentis, sed optantis* (Cicero, Acad. quaest. lib. IV. e, XXXVIII.) *Rem gratissimam promittentium magis, quam probantium.* (Seneca, Epòs. 102).

необходимо вѣровать, весьма справедливо говорить одинъ богословъ, и воспринимать посредствомъ вѣры (*per modum fidei*) не только истины превышающія его разумъ, но и тѣ которыя могли быть доступны его пониманію, потому во 1-хъ, чтобы человѣкъ скорѣе доходилъ до познанія божественной истины, во 2-хъ, чтобы познаніе о Богѣ было доступно всѣмъ и каждому, въ 3-хъ, чтобы оно имѣло достовѣрность. Въ самомъ дѣлѣ, разумъ человѣческій очень погрѣшительнъ въ вещахъ Божественныхъ; доказательство тому философы, которые даже въ вещахъ человѣческихъ съ своимъ разумомъ впадали въ заблужденія и противорѣчія. Итакъ, чтобы имѣть познаніе о Богѣ твердое и чуждое всякаго сомнѣнія, необходимо, чтобы истины Божественныя принимаемы были посредствомъ вѣры, какъ слово самаго Бога, который не можетъ лгать» (*).

Какое же неизмѣримое благодѣяніе оказало христіанство всему человѣческому роду, когда оно не только возвратило, такъ сказать, ему эти коренныя истины, но и обезпечило сохраненіе ихъ на все времена, приблизивъ ихъ къ общему разумнію всѣхъ людей, поставивъ ихъ подъ охрану вѣры, которая замѣняетъ для безчисленнаго множества людей всякіе доводы ума, и предохраняетъ отъ заблужденій ума тѣхъ, коихъ самая живость природы могла бы увлечь къ симъ опаснымъ заблужденіямъ! Этимъ самымъ христіанство постановило на ноги философію, даровавъ ей твердую, устойчивую почву, взамѣнъ рыхлой, зыблющейся почвы разныхъ системъ, гдѣ древняя философія оступалась на каждомъ шагу. Такъ какъ все въ

(*) Thomas Aquin. 2. 2. Quaest. 2, art. 25.

нашемъ міросозерцаніи держится, пока твердо стоятъ эти коренныя истины, то утверждая ихъ на невыблемой онеовѣ вѣры христіанство вмѣстѣ съ тѣмъ упрочило, дало твердую постановку и всеѣмъ другимъ второстепеннымъ истинамъ. Оно внесло въ душу человѣка начало достовѣрности, которое мало по малу сообщило *твердость и устойчивость* всеѣмъ выводамъ и рѣшеніямъ ума. Популяризуя эти истины, оно не только слѣлало ихъ общенародными, достояніемъ всехъ и каждаго, безъ всякаго различія; оно создано этимъ самымъ то, что обыкновенно называютъ общественнымъ разумомъ, эту могущественную силу, составляющую какъ бы душу новѣйшихъ обществъ, которая предотвращаетъ, или по крайней мѣрѣ, ограничиваетъ, сдерживаетъ уклоненія ума частнаго, индивидуальнаго.

«Не дай Богъ оказаться мнѣ или несправедливымъ или неблагодарнымъ, говоритъ уже извѣстный намъ философъ Боннетъ. Я могу перечестъ по пальцамъ благодаренія, оказанныя намъ христіанствомъ, а торжественно признаю, что истинная философія ему обязана своимъ началомъ, успѣхомъ и постепеннымъ совершенствованіемъ. Осмѣлюсь ли я утверждать, что самъ я не былъ бы идолопоклонникомъ, если бы *Отцу свѣтовъ* не благоугодно было просвѣтить людей? Явившись на свѣтъ, быть можетъ, въ нѣдрахъ глубочайшаго невѣжества и самаго чудовищнаго суевѣрія, я коснѣлъ бы въ грязныхъ тенетахъ предразсудковъ, не примѣчая ни во внѣшней природѣ, ни въ своемъ собственномъ существѣ ничего, кромѣ хаоса. И если бы я былъ настолько счастливъ, или лучше несчастливъ, что въ умѣ моемъ возникло бы сомнѣніе о Творцѣ міра, о моемъ теперешнемъ наз-

назначенія, о моей будущей судьбѣ и пр.,—то это сомнѣніе осталось бы во мнѣ навсегда, я не могъ бы найти ни въ чемъ точки опоры, сомнѣніе отравило бы всю мою жизнь» (*). Такъ говоритъ философъ; и на его высокій умъ вѣра имѣетъ самое благотворное вліяніе. Пусть же теперь измѣрять, кто можетъ, всю высоту и широту сего благодѣянія вѣры въ отношеніи ко всемъ другимъ людямъ!

Приблизивъ къ общему разумѣнію, уяснивъ до послѣдней степени очевидности для всѣхъ вообще людей тѣ предчувствія и гаданія, надъ коими тщетно ломали голову самыя высокія умы, христіанство, наконецъ, въ 3-хъ, открыло такія истины, которыя безъ него навсегда остались бы чуждыми уму человека. Разумѣю истины, содержащіяся въ частныхъ догматахъ христіанства: о св. Троицѣ, о воплощеніи, объ искупленіи, о паденіи всего человѣчества въ Адамъ, возстановленіи его въ Иисусъ Христѣ, разумѣю весь тотъ величественно-стройный составъ церковнаго ученія, высокій разумъ котораго и благотворныя приложенія къ жизни мы старались выяснитъ во второй части нашихъ *исследованій*. Эти истины, составляющія предметъ собственно такъ называемаго богословія, предполагаютъ, подтверждаютъ и разъясняютъ истины болѣе простыя, относящіяся къ области естественнаго богословія, и огвѣчающія чистымъ инстинктамъ нашего ума. Открывая намъ сіи истины, христіанство раззевываетъ предъ нашимъ умственнымъ взоромъ необъятно-широкую перспективу, которая освѣщаетъ для насъ и прошлую исторію міра и человѣчества, и все, что въ насъ и окрестъ насъ.

(*) Bonnet, Reshershe sur le christianisme, p. 221.

Хотя мы сами по себѣ никогда не могли бы открыть христіанскаго ученія, однакожъ, послѣ того какъ оно намъ открыто, мы находимъ его вполне сообразнымъ съ чистыми идеями и требованіями нашего ума, о которомъ можно сказать, что если онъ не знаетъ сего ученія, по крайней мѣрѣ не можетъ не признать его. Безъ сомнѣнія, ученіе сіе таинственно въ своей основѣ, но оно свѣтозарно въ своихъ отраженіяхъ: само по себѣ недоступное вѣдѣнію, оно все освѣщаетъ, на все бросаетъ лучи свѣта. Тайна неизбежна въ отношеніи безконечнаго къ конечному; но это отношеніе можетъ быть болѣе или менѣе таинственно, болѣе или менѣе суживать кругозоръ ума. Христіанство расширяетъ этотъ кругозоръ, раздвигаетъ область вѣдомаго, даетъ намъ болѣе воздуха, простора, свѣта, влечетъ умъ далѣе, выше и выше. Оно не впервые принесло намъ тайну. Тайна уже существовала, и будетъ существовать до извѣстной степени всегда: только прежде тайна, такъ сказать, давила насъ за горло, была вблизи насъ, теперь она отодвинута къ границамъ горизонта. Христіанство разсѣяло прежнія тайны, которыя ставили преграду уму, загораживали его естественное зрѣніе, открыло ему истины, выяснило отношенія, о какихъ онъ и не подозревалъ и если принесло съ собою новыя тайны, то лишь потому, что иначе быть не могло; того требуетъ самое свойство предмета. Довольно того, что оно въ достаточной степени уяснило для насъ всѣ наши обязанности.

Есть, впрочемъ, большая разность между тайнами, отъ которыхъ освободило насъ христіанство, и тѣми тайнами, которыя оно принесло съ собою. Первыя тайны принадлежатъ къ порядку

естественному, потому что касаются вещей уже существующихъ окрестъ насъ или въ насъ самихъ, каковы: наше мѣсто и значеніе въ ряду тварей, загадка добра и зла въ мірѣ, наше назначеніе; или же касающіяся Божества въ его первоначальномъ и непосредственномъ отношеніи къ міру: бытіе Божіе, Его творческая независимость, единство существа Божія, Его святость; тогда какъ новыя тайны, воплощеніе, искупленіе, благодать и пр. принадлежатъ къ порядку сверхъестественному, потому что служатъ необходимымъ послѣдствіемъ Божескихъ дѣйствій внѣ первоначальнаго порядка вещей. Тутъ истина представляется болѣе умѣстною, а потому заслуживаетъ болѣе признанія и покорности. Это новое, особое дѣйствіе Бога въ отношеніи къ міру, а вѣкое дѣйствіе Божества, по самой своей природѣ, таинственно; можно бы сдѣлать его и постижимымъ для насъ, но Богъ не обязанъ былъ къ сему, такъ какъ не обязанъ былъ въ отношеніи къ намъ самымъ дѣйствіемъ. Разумъ не можетъ жаловаться на то, что онъ не понимаетъ всего въ откровеніи Божіемъ, тѣмъ болѣе, что сему-то откровенію онъ обязанъ возстановленіемъ своихъ естественныхъ познаній, утраченнымъ-было имъ.

Другая важная разность, которую стоитъ отмѣтить, та, что естественныя тайны о назначеніи человѣка, были тайнами незнѣчества и заблужденія, тогда какъ христіанскія тайны суть просто тайны вѣры. Въ прежнее время имѣлъ мѣсто не недостатокъ только постиженія предметовъ извѣстнаго рода, каковы напр. вопросы о существѣ и свойствахъ Божіихъ, о началѣ и концѣ человѣка, о происхожденіи зла, о борьбѣ его съ добромъ, о нашей нравственной немощи, о нашемъ ве-

личіи, объ отношеніяхъ нашихъ къ Богу и ближнимъ; нѣтъ, относительно всѣхъ сихъ важныхъ предметовъ господствовало или рѣшительное неименіе, или еще хуже, грубое заблужденіе, прелесть, небреженіе, извращеніе. Что касается до христіанскихъ тайнъ, то не говоря уже о томъ, что благодаря имъ всѣ эти важные предметы вѣдѣнія выдѣлялись, твердо опредѣлялись, сдѣлались общимъ достояніемъ народа, сами эти тайны не представляють для ума иной трудности, кромѣ неудобопостижимости своей. Мы ихъ познаемъ и усвоиваемъ очень хорошо, потому что онѣ точны, опредѣленны, положительны; мысль не истощается въ изысканіи ихъ; малое дитя легко схватываетъ ихъ и удерживаетъ въ сознаніи; онѣ не посягаютъ въ хаосъ ума сбивчиво, смѣшанно, въ туманныхъ, неловимыхъ очертаніяхъ, онѣ рѣзко выдѣляются и стройно вращаются надъ нашими головами на тверди вѣры. Самая непостижимость ихъ не есть безудовная, а только относительная; на этой тверди вѣры съ тихою радостію, съ утѣшеніемъ остававляется око ума, вѣматриваясь въ необъятный просторъ, въ ея безграничную ширь; она и отодвигается и приближается, дѣлаясь удобовоспріимомою, смотря по чистотѣ и прозрачности созерцающаго ума.

Вообще, если повторить вкратцѣ сказанное выше, христіанская вѣра бережно, заботливо, снисходительно относится къ уму и весьма благотворна для него. Прежде всего, она не посягаетъ на ту область, которою онъ владѣетъ по праву; она беретъ его подъ свою охрану и водительство уже тамъ, гдѣ онъ самъ по себѣ не можетъ шагу ступить. И тутъ она не навязывается ему произвольно, по, деспотически, не насилуетъ его, а предъявляетъ

еть свои права на вниманіе со стороны его и призна-
ніе; осязательными доказательствами своей божес-
ственности склоняетъ разумъ, въ силу собствен-
ныхъ его законовъ, принять ея ученіе; и разумъ
разумно поступаетъ, отдаваясь въ послушаніе вѣры;
разумъ и вѣра въ такомъ случаѣ органически спла-
чиваются, взаимно сопроникаются; вѣра становит-
ся, такъ сказать, распространеніемъ и продолженіемъ
самаго разума. Мсльдній чрезъ сіе самое чрезмѣрно
облегчается, ибо находитъ удовлетвореніе своей не-
умолкающей потребности общенія съ безконечнымъ,
которая составляетъ и его достоинство и его муку;
и не только удовлетворяется въ этомъ исканіи
безконечнаго, но предохраняется отъ тысячи заблужденій,
отъ тысячи самыхъ прискорбныхъ паде-
ній, къ которымъ его неизбежно увлекла бы эта
религіозная способность, столь необходимая и вмѣ-
стѣ столь опасная, которой онъ не можетъ заглу-
шать въ себѣ, не унижая себя, и которой не мо-
жетъ отдаться, не губя себя. Такимъ образомъ вѣра
христіанская спасаетъ умъ человѣческій отъ дво-
йкой пропасти, изъ коихъ та или другая неизбежно
грозитъ ему и на склонахъ которыхъ онъ всякій
разъ оказывался, если лишенъ былъ, или самъ себя
лишалъ высшей помощи: это или скептицизмъ,
или суевѣріе, или нечестіе, или сумасбродное изу-
вѣрство. Пользуясь небеснымъ пособіемъ вѣры,
разумъ вновь вступаетъ, на правахъ неотчужда-
емой собственности, въ обладаніе значительнымъ
количествомъ истинъ первостепенной важности, съ
кои нѣкогда входили въ его область, составляли его
достояніе, но потомъ какъ бы обрушились въ бездну
его невѣжества, поколебавъ и разсѣпавъ въ сво-
емъ паденіи и всѣ другія истины, состоящая съ

ними въ неразрывной связи. Возвращая ему сіи коренныя истины во всей ихъ чистотѣ и величіи, вѣра сообщила имъ характеръ достовѣрности, пустила ихъ въ общественный оборотъ, такъ что теперь всѣ могутъ пользоваться и утѣшаться ими безъ всякаго опасенія за ихъ прочность и устойчивость, и онѣ навсегда останутся общимъ достояніемъ чело-вѣчества, неотъемлемымъ наслѣдіемъ всѣхъ грядущихъ поколѣній. Кромѣ завѣренія въ сихъ первоначальныхъ истинахъ, христіанство обогатило умъ другими истинами, вполне новыми, о которыхъ онъ никогда и не подозрѣвалъ, которыя, однакожь находясь въ полномъ согласіи съ первыми истинами, подобно потому, какъ сіи находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ чистѣйшими инстинктами ума, становятся для него удобопріемлемыми и оказываются весьма плодотворными въ силу этого самого соотвѣтствія и согласія, хотя сами по себѣ онѣ таинственны. Наконецъ, этотъ таинственный характеръ истинъ, сверхъ-естественно открытыхъ христіанствомъ, совершенно отличенъ отъ темноты незнанія и заблужденія, закрывавшей отъ ума истины естественныя; таинственность относится здѣсь къ постиженію сихъ истинъ, къ уразумѣнію внутренней возможности таинъ, а не къ самому понятію о нихъ, которое вполне точно и опредѣленно, такъ что можетъ вмѣститься и въ дѣтской головѣ. Притомъ же, и непостижимость сія не есть безусловная; она не отталкиваетъ разумъ, а пріятно успокоиваетъ его, приводитъ въ движеніе его силы, возбуждаетъ пытливость, а не тупое отрицаніе. Въ концѣ концовъ умъ, уяснивъ для себя чрезъ откровеніе множество вещей темныхъ и непонятныхъ, выноситъ твердое убѣжденіе и въ

тѣхъ вещахъ, которыхъ онъ не понимаетъ.

Дѣйствіе вѣры въ отношеніи къ разуму точь въ точь похоже на дѣйствіе оптическаго инструмента, приспособленнаго къ естественному зрѣнію, и составляющаго не что иное, какъ нѣкое *удлинненіе* его. Извѣстно, что орудіе сіе приближаетъ къ намъ предметы, представляетъ въ ясныхъ и отчетливыхъ очертаніяхъ то, что простому, невооруженному глазу кажется слитнымъ и прихотливо смѣшаннымъ, помогаетъ открывать новые предметы, расширяетъ горизонтъ зрѣнія на такое пространство, какого глазъ самъ по себѣ не могъ обнять. Вѣра есть какбы телескопъ нашего ума; она раздвинула его горизонтъ, помогла открыть ему новыя свѣтила на небѣ мысли и истины. (*)

(*) Per revelationem novis et puris phantasmatis utitur ratio, говоритъ Тома Аквинатъ. — „Можно сказать, говоритъ Лейбницъ, что разумъ есть естественное откровеніе, коего виновникъ Богъ, точно такъ же, какъ Онъ есть виновникъ и природы. Можно сказать также, что откровеніе есть сверхъестественный разумъ, т. е. разумъ, обогащенный новою областію открытій, истекающихъ непосредственно отъ Бога; но эти откровенія предполагаютъ, что мы имѣемъ средство распознавать ихъ. Такое средство, или орудіе есть разумъ. Налагать запретъ на разумъ, чтобы болѣе дать мѣста откровенію, значитъ тоже, что вырвать глаза, чтобы лучше разсмотрѣть посредствомъ телескопа спутниковъ Юпитера“ (Nouveaux essais sur l'entendement humain).

С Л О В О

на поминовение въ сороковой день (18 Апрелья) скончавшейся Игуменнн Сухотинскаго Знаменскаго монастыря Дороеея.

Христось воскресе!

Днесь, въ сіи нареченные и святые дни, кои весь яко день единъ, единъ суббота Царь и Господь, „всяка дварь, по ученію Церкви, веселится, и радуется, яко Христось воскресе и адъ плънися“, — безъ сомнѣнія, сію радость живѣе ощущаютъ и празднственнѣе ликовствуютъ тѣ, кои празднуютъ пасху въ невечернѣмъ дни царствія Христова. Жены Мирносицы, здѣсь на землѣ, первыя пріяли отъ Ангеловъ сію радость воскресенія Христова, а тамъ, на небѣ, уповаемъ, присоединилась къ онымъ женамъ мирносицамъ, отшедшая отъ васъ, мать ваша, Игуменія Дороеея, дабы со всеми небожителями праздновать пасху вѣчную. Се минуло сорокъ дней со дня ея преставленія. Въ этотъ періодъ времени, по сказанію тайновидцевъ, душа окончательно разлучается съ дольнымъ міромъ, проходитъ все мытарства, тайнозрѣнныя Макаріемъ Египетскимъ, совсѣмъ оставляетъ землю и преселяется на небо. Что же? Послѣ сего, благоч. насельницы сей святой обители, разлученныя однажды навсегда съ своею матерію, какія домышленія и какія чувства входятъ нынѣ въ сердца ваши, скорбныя отъ разлуки, огорченныя потерєю и восторженныя праздникомъ праздникъ? По требованію настоящаго случая и приличію времени, мы поидемъ, въ собесѣдованіи съ вами нынѣ двумя путями, и земнымъ и небеснымъ, дабы достойно ублажить память покойной.

И вотъ, идя путемъ первымъ, земнымъ, не умолчимъ никогда, что раба Божія Дороеея, хотя и переселилась на небо, но оставила память о себѣ здѣсь, на землѣ, въ стѣ-

нахъ святой сей обители, между вами, младшими своими сестрами или, правильнѣе назвать, ея дѣтьми, въ родъ и родъ. Такъ, хотя она и живетъ нынѣ уже на небѣ съ воекресшимъ Господомъ, но духъ ея, ея мысль, ея желанія вѣютъ здѣсь и на землѣ, на каждомъ шагу, между вами. Ибо куда ни обратите вы ваши взоры, куда угодно возведите окрестъ свои очи, вы—новыя дщери Сіоня, всюду узрите слѣдъ ея жизни, отпечатокъ ея дѣятельности. Къ отшедшей въ страну вѣчности матери игуменіи Дороеен вполне можно примѣнить слова писанія, облеченныя въ притчу Самимъ Господомъ нашимъ І. Христомъ, гдѣ говорится: *человѣкъ илкій бы домовитъ, иже насади виноградъ и оплотомъ огради его и ископа въ немъ точило, и созда столпъ и вдаде дѣлателемъ, и отъиде* (Мат. 21, 33). Этотъ человѣкъ—она, бывшая первою вашею игуменіею, раба Божія Дороеен. Этотъ виноградъ—сія святая обитель, которая устроилась и приводима была въ порядокъ и благолѣпіе ея заботливостію и попеченіемъ; она и оплотомъ огради ю, въ средѣ коей красуются ваши зданія, гдѣ ископаны и точило и столпъ—это храмы ваши, въ коихъ приносится безкровная жертва, въ коихъ вы возносите свои молитвы ко Всевышнему и въ коихъ изливаются на васъ дары благодати Божіей; а всѣ эти дѣятели въ притчѣ, не обинуясь можно сказать, вы сами насельницы сей святой обители. И опять къ ней же, матери Игуменіи Дороеен, и подобнымъ ей можно отнести слова слѣдующей притчи: *слышите, се изыде сѣяи сѣяти* т. д. (Мар. 4, 3—9). Именно, зерно, посѣянное матерію Игуменіею Дороеею для созиданія сей святой обители, *приплодоваше на тридцать и на шестьдесятъ и на сто*, и такимъ образомъ возрасло въ величественное древо. Стало быть зерно то, при благословеніи покойной, *пало на земль доброй*, что оно дало *плодъ восходящъ и растущъ*...—Стало быть, оно не пало *при пути* и не налетѣли птицы и не позобали е, что значитъ, по смыс

лу притчи, разсѣянность людскую, сквозь которую входятъ въ душу человѣка всѣ соблазны міра. Стало быть, зерно то не пало *при камени*, что значить ожесточеніе сердца человѣческаго, позади котораго нѣтъ мѣста покаянію, а безъ покаянія не прививаются къ нашей душѣ никакія добрыя мысли, никакія добрыя дѣла. Стало быть, не пало *въ терніе*—что значить привязанность къ міру и его прелестямъ, кои опутываютъ и заглушаютъ въ сердцѣ человѣка всѣ ростки благочестія и добродѣтели... Подлинно, все, что здѣсь, въ вашей обители, ни сдѣлано заботливостію и трудами покойной вашей матери игуменіи Дороеи, память которой благодарно и молитвенно творимъ мы нынѣ, все это, говоря словами притчи Господней, *подобно есть квасу, егोजе взяли жена, скры въ сатѣхъ трехъ муки, додеже акисоша вся* (Мат. 13, 33). Среди сихъ указаній невольно приходишь къ мысли, что есть положенія въ жизни человѣческой, кои, по видимому, не блистательны, но чрезвычайно благотворны. Есть положенія, что человѣкъ не основываетъ и не созидаетъ великолѣпныхъ градовъ, но устрояетъ именно такой градъ, о которомъ сказано въ писаніи: *не можетъ градъ укрытися верху горы стоя* (Мат. 5, 14). Есть положенія, что не покоряютъ и не завоевываютъ царствъ и народы, при чемъ всегда слышится столь много плача и рыданія, но возводятъ цѣлый облакъ свидѣтелей, тихо обстоящихъ своими молитвами и Богоугожденіемъ престолу Божию. Есть положенія, что человѣкъ не издаетъ громкихъ и славныхъ законовъ, кои часто не приходятся ко благу всѣхъ сословій, но внушаетъ правила и уставы, исполненіе коихъ водворяетъ миръ, поддерживааетъ послушаніе и охраняетъ любовь, а такимъ образомъ ведетъ къ спасенію и приводитъ въ царство небесное.

Таково именно было положеніе приснопамятной рабы Божіей, игуменіи Дороеи. Скромное дѣло ея, каково внѣ-

шнее и внутреннее устройство сей святой обители, отзовется самыми благотворными послѣдствіями въ грядущія времена, и память ея пребудеть *въ благословеніяхъ*, въ кругу насельницъ сей обители.

Вступимъ теперь на путь небесный, коимъ отошла отъ насъ въ страну вѣчности раба Божія игуменія Дороея. Рано или поздно пойдемъ тѣмъ путемъ и всѣ мы. Но какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ крестомъ и трехдневнымъ погребеніемъ взшелъ на небо — въ славу Отчую и возсѣлъ одесную престола славы Божіей, такъ точно путемъ креста и самоотверженія, шла измлада до времени своего преставленія, раба Божія Дороея и возшла въ обители Отца небеснаго; тѣмъ же путемъ должны идти и всѣ мы, дабы наслѣдовать царство небесное. Иначе и быть не можетъ. Ибо напредъ своей смерти и погребенія Спаситель уже училъ народы: *аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и матерь и жену, и чадъ и братію, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ быти Мой ученикъ. И иже не носитъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. 14, 26). Въ свое время мы исчисляли кресты, кои понесла въ своей жизни та, о коей нынѣ молимъ: „упокой, Господи, душу ея“. Но, безъ сомнѣнія, подобно ей, преставльшейся рабѣ Божіей игуменѣ Дороеѣ, и по своемъ успеніи оставившей примѣры для подражанія, и вы всѣ, сестры, несете кресты свои, каждая по своему. Ибо, конечно, не къ вамъ относится тотъ упрекъ Господь, коимъ Онъ обличалъ народы: *мози суть звани, мало же избранныхъ* (Лук. 14, 24). Вы отозвались со всею готовностію на ту вечерю, которую устроилъ Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и на которую звалъ многихъ. Вы не сказали: *село купихъ, имамъ нужду изыти и видѣти е* — или: *супругъ воловъ купихъ пять, или: мужа поляхъ*. Каждая изъ васъ оставила домъ и кровь родительскій, различилась съ своими родными, оставила всѣ привязанности

по мѣсту своего рожденія и воспитанія и укрылась подъ сѣнь сей святой обители. Что же? и вы можете по праву сказать о себѣ: *се мы оставиломъ вся и вслѣдъ Тебѣ, Господи, идехомъ*. Почему, по неложному обѣщанію Господа, и къ вамъ могутъ быть отнесены слова, сказанныя Господомъ Апостолу Петру: *никто же есть, иже оставилъ есть домъ, или братію, или сестры, или отца, или мать, или мужа, или чада, или села, мене ради и евангелія ради: аще не пріиметъ сторицею нынѣ во время свое домовъ, и братій и сестръ, и отца и мать, и чадъ и селъ, во изшаніи, и въ вѣкъ грядущій животъ вѣчный*. Обѣтованія сіи не мимоидутъ васъ, если только вы пребудете вѣрны долгу своего званія, если будете не только званными, но и избранными. Дай Богъ, чтобы каждая изъ васъ была въ своемъ родѣ женою Хананейскою, изшедшею отъ предѣлъ своихъ, дабы вопіять подъ сѣнію сей мирной обители ко Господу: „*помилуй мя, Господи сыне Давидовъ*“, и потомъ услышать отъ Господа оный вождѣленный гласъ: „*— жено, велія вѣра твоя, вѣра твоя спасе тя: буди тебѣ, якоже хочещи*“. Для утоленія ваш й духовной жажды да не будетъ воды другой, какъ та, которая предложена была Спасителемъ женѣ Самарянской, чтобы вода та была источникомъ, текущимъ въ животъ вѣчный. Да будете вы всѣ подражательницами упоминаемой въ Евангеліи Маріи, которая, въ порывѣ любви своей, *помазала миромъ позы Спасителя и отерла власами главы своея*. Усердіемъ и самоотверженіемъ да уподобляетесь той вдовицѣ Евангельской, которая вложила въ корванъ двѣ лепты, составлявшія все ея достояніе. Да будете вы тѣми пятью дѣвами, кои были мудры и взяли съ собою елея, когда нужно было исходить во стрѣтеніе жениху. Но не будьте тѣми пятью дѣвами—юродивыми, предъ коими затворены были двери чертога небеснаго.

Простремъ и еще разъ свой взоръ на небо, куда взошла раба Божія Доротея за своимъ Женихомъ, ибо она

всегда имѣла въ запасѣ слей любви и благосердія. Переселеніе ея въ небесную отчизну и ваша скорбь объ утратѣ ея приводятъ мнѣ на память исторію взятія Іліи на небо. Когда онъ взятъ былъ на огненной колесницѣ живымъ на небо, то пророкъ Елисей поднялъ вопль: „*Отче, отче, колесница Израилева и конница его*“, какъ бы такъ говоря: отче, ты былъ вся сила и мощь Израилева, ты своими молитвами и ревностію оказалъ гораздо болѣе услуги и пользы царству Израильскому, чѣмъ многое множество колесницъ ратныхъ и всадниковъ вооруженныхъ. Подобно Елисею, и вы скорбѣли объ отшествіи отъ васъ въ страну вѣчности вашей матери—руководительницы, и вы не удомѣвали, можетъ ли кто вполне замѣнить ее. Ваши слезы, вами пролитыя при гробѣ ея, при послѣднемъ прощаніи съ нею, вполне замѣнили жалобный вопль Елисея. Но какъ Елисей былъ утѣшенъ въ своей скорби, такъ и вы не остались сирыми и безпомощными. Когда святой пророкъ Ілія возносился на небо, тогда ниспала на Елисея милоть, вмѣсто раздранной отъ горести Елисеемъ своей одежды, а съ милотію перешли на Елисея духъ и сила самаго Іліи. Подобно сему духъ и сила Дороеи перешли на новую мать вашу, Игуменію Агнію; милоть бо, иначе сказать, мантия игуменства ниспала съ одной на другую. Облекшись сею милотію, настоящая мать ваша, Игуменія Агнія пройдетъ сама и проведетъ ввѣренныхъ ея водительство чадъ по суку, сквозь волны житейскихъ попеченій и мірскихъ соблазновъ. Послѣ чего и ей, а съ ней и всѣмъ вамъ остается звать одно только къ отшедшей въ страну вѣчности матери Игуменіи Дороеи, какъ зывалъ Елисей ко Іліи: „живъ Господь, жива душа моя“, яко не оставимъ святаго завѣщанія, не отступимъ отъ кроткаго завѣта твоего. Да дастъ вамъ Господь силу и крѣпость пребыть вѣрными завѣщанію покойной

вашей Пгумени и, подобно ей, сподобившись мирной кончи-
тны, съ благою надеждою переселиться отъ земли на небо.

Ампль.

А. П.

Редакторъ: Ректоръ Семинаріи Протоіерей Михаилъ Зефировъ.

Съ дозволенія цензуры. 10 Октября 1870 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.